
ЗАВТРА
ЕЖЕМЕ
СЯЧНИК
УТВЕРЖ
ДЕНЦЕВ
3

несколько тезисов из журнала

УТВЕР

Стремление журнала: не столько убедить в чем-либо свою читательскую общину, сколько облегчить ей возможность самостоятельного и сознательного выбора пути. («Утв.» № 3, стр. 5).

Утвержденцы не политическая партия. В утвержденчестве сплетаются все отдельные пореволюционные тропинки, сливаясь в широкую, торную дорогу. («Утв.» № 3, стр. 3.).

Нам необходима концентрация всех сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи: оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской Исторической Идеи в ее проэкции на современность. («Утв.» № 1, стр. 7).

Вино старое Российской Исторической Идеи хотим мы влить в мехи новые. («Утв.» № 2, стр. 1.).

Мы живем в эпоху, когда вопрос духовный делается основным вопросом и с ним неразрывно связан вопрос социальный, вопрос о творчестве новой жизни. («Утв.» № 2, стр. 4).

Наша цель установлена достаточно ясно: устроение нового социального уклада, одновременно анти-капиталистического и анти-коммунистического, на основах христианской правды. («Утв.» № 3, стр. 9).

Свобода есть высшая ценность. («Утв.» № 2, стр. 7).

Никогда не примиримся мы с возвратом к эксплоатации человека человеком. («Утв.» № 2, стр. 4).

Всемерно утверждая идею свободы (основоположную идею христианства) — мы не склонны обязательно связывать ее с «демократическими» формами государственного устройства. («Утв.» № 2, стр. 9).

Наша политическая позиция вполне определенна: она непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России. Наша позиция столь-же непримиримо враждебна всякой реставрации. («Утв.» № 1, стр. 8).

Для нас равно неприемлемы тезисы капитализма и антитезисы коммунизма. Мы ищем новые формы, новые пути. («Утв.» № 1, стр. 8).

К проблеме Революции нельзя подходить упрощенно... Нельзя забывать, что она не только кризис России — она кризис всей современной цивилизации. («Утв.» № 1, стр. 4).

Борясь с компартией — мы тем самым преодолеваем и марксистско-коммунистический этап Революции. («Утв.» № 1, стр. 4).

Националист не может быть пораженцем: не может стремиться к своей цели путем содействия военному поражению своей родины. В этом его отличие от интернационалиста. («Утв.» № 3, стр. 165).

Путь России — это путь от советской действительности к осуществленной Российской Идее. («Утв.» № 3, стр. 10).

К коммунистической власти мы относимся **непримиримо** и сближения с современной Россией ищем через голову как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины. («Утв.» № 3, стр. 166).

Духовно-творческому процессу, имеющему предварить чаемое преображение родины и должна — и потому может — способствовать в условиях свободы пребывающая эмиграция. От того — поймет-ли она свое призвание зависит вообще, сыграет ли она какую-либо роль в становлении новой России; эта роль откроется перед ней только в том случае, если она сумеет выделить из себя идеологический авангард новой России. («Утв.» № 2, стр. 22).

№ 3

ЗАВТРА
ЕЖЕМЕСЯЧНИК УТВЕРЖДЕНЦЕВ

Париж
1 июня
1933

СОДЕРЖАНИЕ:

от редакции

В России усиливается голод. Зимой положение может стать катастрофическим. Бездарная власть не только сама ничего не делает для предотвращения надвигающегося бедствия — она еще и скрывает всячески факты, давно бесспорные и общеизвестные; в России официально «голода нет», т. к. ударные стройки, крупные центры (вернее, населяющее их комдворянство) и части ГПУ снабжены пока еще удовлетворительно.

Но в стране медленно наростают взрывчатые силы и требуют выхода. Сталин, одной рукой поощряя «правых» (обещание сделать всех середняков-колхозников — зажиточными), — другой рукой бросает кость «левым»: «энергетизацию темпов», серию новых ударных задач, гипноз второй пятилетки...

Вместе с тем экстренно принимаются меры и иного характера: из центров выселяется все непроверенное (паспортизация) население, колхозы берутся в ежовые рукавицы «политотделов», инсценируются процессы, гибнут десятки — если не сотни невинных людей.

Спасут-ли все эти меры диктаторов? Едва-ли. Оттянут-ли их бесславный обвал? Это бесспорно.

Используем-же данную судьбою отсрочку, чтобы ускорить, упорядочить подготовку наших кадров. Необходимо предельно усилить работу кружков самообразования и изучения России; всем подтянуться, внутренно собраться, дисциплинироваться. И, наконец, от слов действительно перейти к действию.

На западе «Революция идет»... И принимает она, в первоначальных своих стадиях, в разных странах — разные формы. Ведь и финансовый крах в С. Америке, поколебавший доллар, эту твердыню капиталистического мира, и самосечение германской демократии, «конституционно» спасовавшей перед Хитлером, — столь-же характерны и знаменательны для нынешней эпохи «кризиса сознания» — как и провал Лиги Наций в деле захвата Японией Манчжурии, как медленное умирание так называемой «конференции по разоружению».

«Революция идет»... и, в страхе перед участью, уготованной ему судьбой (быть вечно между молотом и наковальней) — второй, «социалистический» интернационал спешит предложить третьему «руку и сердце».

«Революция идет»... И невольно возникает вопрос: прорвала-ли в России ее лава свой единственный кратер? Выбросит-ли вулкан, забивший на дне российского океана, всю столетиями накоплявшуюся в недрах человечества горечь обид, оскорблений, злобы и ненависти? Или скоро — везде и всюду — «вода запылает огнем»?

В настоящих условиях труден точный прогноз: внешняя политика стран так тесно связана с различными социальными сдвигами, их взаимообусловленность до того несомненна — что вероятность второго («катастрофического») исхода как будто становится все более и более грозной.

Во всяком случае — не нам, христианам, становиться где-бы то ни было на защиту капиталистического строя. Наш враг — воинствующий матерьялизм; как в коммунистическом, так и в капиталистическом его обличьи; от Ком-интерна — до Кап-интерна.

Мы должны помнить, что наши силы, знания и жизни — принадлежат России; ибо в ней — и только в ней — может еще возгореться светоч, который когда-нибудь укажет всему человечеству путь к «новому небу и новой земле».

Второй (закрытый) номер нашего журнала вызвал целую волну бесед и споров, загрузив редакцию обильной корреспонденцией.

Некоторые читатели высказывали сомненье, полезно-ли для общего дела ставить вопросы, хотя-бы и первостепенного значения, так **остро**, как они поставлены в некоторых статьях. Редколлегия полагает, что в дискуссионых номерах **только так** их и **следует** ставить — только такая постановка обеспечивает полность и подлинность внутренней жизни пореволюционного движения.

Разномыслие между сторонниками чисто-политической деятельности и исповедниками идеи духовного отбора, некоей «духовной концентрации» орденского типа — всегда существовало. Проблема объединения новых направлений — в первую очередь проблема четкого **разграничения сфер деятельности без нарушения единства действия.** Это будет успешно осуществлено лишь при условии, что одни согласятся признать невозможность духовно-идеологического творчества, оторванного от попыток его претворения в жизнь путем и политической работы, а другие — невозможность для пореволюционеров утверждения политики, как «автономной сферы», не определяемой духовно-идеологическими велениями.

Авторы дискуссионных статей № 2 **«Завтра»** в равной степени (хотя исходя и из разных установок) разделяют вышеизложенную объединительную точку зрения. Несмотря на заостренность тезисов и оценок, наличествующая в дискуссионном номере **«разноголосица» не есть разногласие. Это** должно быть точно установлено в первую очередь.

В переписке, возникшей вокруг № 2, выяснилось еще одно обстоятельство. Некоторые наши корреспонденты встревожены возможностью возникновения «атмосферы пессимизма» в пореволюционной среде в итоге тех самообличений, которым было дано место. В такой точке зрения проскальзывает еще не до конца преодоленная эмигрантская психология (выросшая на интерпретации, например, и советской самокритики, как признака слабости и скорого крушения). Редакция полагает, что честный до конца и бесстрашный анализ собственных недостатков и ошибок есть прежде всего **залог творческой силы и нравственного здоровья.** Са-

ма горячность некоторых авторов лишь утверждает чувство **моральной ответственности**, им свойственной — и глубокую преданность общему делу.

Мы только напоминаем своим соратникам, что они и впредь должны давать не «критику ради критики» — а сопровождать свои замечания вполне конкретными, конструктивными предложениями.

Настоящий, третий, номер — выходит с большим опозданием. Это, конечно, непростительно — но, к сожалению, объяснимо. Издающая журнал молодежь зарабатывает свою жизнь тяжелым трудом — и свирепствующая повсеместно безработица не смогла не отразиться на регулярности поступления сумм, подписанных в порядке самообложения.

Ныне издательский бюджет консолидирован и Редакция расчитывает впредь уже без особых перебоев выпускать очередные — «открытые» и «закрытые» — номера.

В открытых будет продолжаться популяризация утвержденческих установок. За закрытыми сохранена роль подготовительной «реторты», в которой будут сначала сталкиваться, а затем начнут, — мы надеемся, — **свободно и гармонически сочетаться** основные элементы пореволюционного миросозерцания.

Кризис правосознания

Чем резче ломаются эпохи, тем более высокие ценности ставятся под сомнение. Современный кризис ставит под вопрос, среди многих других «ценностей», также и моральный авторитет Римского права. Удары по этому тысячелетнему базису европейского правопорядка и культуры наносятся все определеннее и **на практике** (в СССР), и **в теории** (доктрины Дюги), и **в идеологии** (пореволюционные течения в эмиграции).

Интересно отметить одновременность отрицаний римского права как в России, так и в пореволюционно-настроенной эмиграции; многим эта одновременность покажется соблазнительной — а потому лучше всего, пожалуй, сразу-же попытаться выяснить истинный характер этого совпадения отрицаний. Надлежит указать, что в противоположных лагерях отрицание относится как раз к **противоположным** идеологическим основам, каковые оказались искусственно сопряженными в римской юридической системе, легшей в основу европейского правосознания.

Дело в том, что Кодекс Юстиниана, Пандекты и Институции оформились только **в Византии** и потому естественно отразили не одно языческое правосознание Рима, но и новую, нарождавшуюся, мораль Вифлеема.

Возникал компромисс — особенно ярко отразившийся в Кодексе Теодорика, в каноническом праве. На этом компромиссе построила все свое могущество Византия, на нем-же в течение свыше тысячелетия балансировала и продолжает балансировать Европа, вызывая то удивление и восхищение своими «римскими доблестями», то негодование и ропот своими «христианскими добродетелями».

И думается, что скорее самый факт компромисса, чем внутреннее его содержание вызывает такое одновременное противодействие с разных сторон.

Истинный лик Рима и его учреждений эпохи упадка сейчас особенно отчетливо встает перед нами (например в исследовательских работах проф. Ростовцева) — и аналогия с совершающимся в наши дни поистине разительна: боги осмеяны и забыты, — и только одна «богиня» Юстиция, окруженная ликторами, пучками розог и секирами, профанированная и низведенная, творит свою земную «справедливость» на службе всепожирающего государства. Даже жеребец Калигулы, пожалованный званием сенатора, не кажется сейчас большим анахронизмом.

Вспомним историю: дипломат и великий политик Константин бежал из обреченного Рима, основав на берегах Босфора свою Ви-

зантию; к этому времени «Восток был почти весь христианским» и самая победа Константина над Максентием была одержана под знамением Креста, поднятым над языческими легионами, к великому смущению обезоруженных этим символом восточных максентиевых дружин... Победитель, — еще вчера «прирожденный бог и владыка» — принял тогда новый титул «раба Божия» и объявил себя защитником христианства. Казалось, что в нем должна была-бы совершиться величайшая революция сознания — каковая неминуемо отразилась-бы в его законодательстве, пронизала-бы правосознание последующей эпохи. Но... ничего (или почти ничего) не случилось. Римлянин до мозга костей, Константин вложил крест в руки статуи бога солнца, перед которой молился в притворе христианского храма. Краем христианской церковной ризы стремился он лишь прикрыть поруганную языческую богиню «справедливости», во всем блеске своего прислужничества перекочевавшую из Рима в Византию...

Именно против этого, случайно уцелевшего в римско-правовых конструкциях, обрывка христианской ризы и протестует столь яростно лагерь воинствующих матерьялистов. Против языческих богов и богинь в христианских ризах, с крестами в руках, — протестует просыпающееся христианское сознание.

Чудовищный компромисс распадается у всех на глазах. Эквилибристике римского «правового сознания» приходит конец.

Или — или...

Е. Белоруссов.

от права к правде

«Наша цель установлена достаточно ясно: устроение нового социального уклада, одновременно анти-капиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды». Такова общеизвестная формула утвержденцев.

Значит-ли это, что мы мечтаем, в условиях современного духовного уровня человечества, построить в России государство «по Евангелию» — т.-е. некое подобие «царства Божия на земле»? Конечно, нет. Мы твердо помним слово Бердяева: «исторически-действенным может быть лишь соединение максималистической идеи с большим реализмом в понимании действительности». Наша установка — **целевая,** т.-е. указывает на **направление** наших исканий — и наивно было-бы говорить о немедленном и стопроцентном ее воплощении в жизнь.

Римское право **до сих пор** еще определяет собою сознание т. н. «цивилизованного» мира; кризис этого правосознания — никем ныне уже не отрицаемый — яркий симптом близкого крушения **европейской** цивилизации. Человеческие массы уже чувствуют, что **право** далеко не есть **правда.** Формальные свободы уже не обеспечивают действительной **свободы.** Мы все теперь на собственном опыте знаем, что «право на свободный труд» на практике сводится к праву одних эксплоатировать труд других, к праву этих других свободно умирать с голоду. В основе современного права лежит римская, до-христианская, языческая «мораль»: «человек человеку волк». На этой «морали» возрос капитализм: узаконенная экономическая война всех против всех. В отталкивании от этой эгоистической морали родилась (но все в том-же матерьялистическом плане) другая ее разновидность — в еще **усиленном** виде: мораль классовая, эгоизм целого слоя, коммунизмом провозглашаемая война класса с классом. Римско-правовая языческая «мораль» есть в первую очередь мораль **разделяющая,** мораль не сотрудничества, но **борьбы.**

Человечество захлебнулось в порожденной этой «моралью» атмосфере зависти, алчности, ненависти и злобы. И ни одного атеиста, ни одного «равнодушного» в современных условиях уже не испугает постановка про-

блемы нового, христианского **правдо**сознания — ибо трудно поверить, что оно — как **этика**, как **моральная основа социального устроения** — окажется для любого иноверца менее приемлемой, чем «этика» права римского, за две тысячи лет уже ставшего **мертвой формой**, — ныне наполненной морально-нестерпимым содержанием; формой, прикрывающей «законную» эксплоатацию человека человеком, — узаконяющей «право» биржевых маклеров, посредников, ростовщиков и банкиров.

Языческо-римской «морали» («человек человеку — волк») мы противопоставляем новую основу нового правосознания: **этику христианскую**, этику **объединяющую**, этику сотрудничества, содружества и **общего дела**. Утверждение основ нового законодательства пореволюционной России на евангельских **этических** представлениях — и есть, по нашему убеждению, первый шаг на пути к тому новому социальному укладу, к которому зовет утвержденчество.

А. Ярмидзе.

первый этап

В пореволюционных кругах все чаще и чаще обсуждается проблема устроения социального порядка на основах христианства, т. н. «социального раскрытия христианства».

Прежде всего надлежит указать, что искание христианского социального строя намечается не только среди русских пореволюционеров. Оно существует в кругах христианской молодежи всех стран: у французских католиков и протестантов, у англокатоликов, у немцев.

Но между всеми этими группами и русскими новыми течениями существует одно основное различие: поскольку европейские христиане интернационалистичны (я не говорю о хитлеровцах, лишь **называющих** себя христианами, но по существу очень далеких от христианства, не только своими действиями, но и всей своей расовой тенденцией), — постольку у русских идея христианства неразрывно связана с российской национально-исторической идеей. Таким образом, у первых христианская социальность, принимая характер космополитический, становится в данный момент осуществимой лишь единицами, а не целым народом — и потому это социальность кружковая, ограниченная. У русских же христиан есть конкретная социальная плоть для проведения в жизнь своей идеи: целый народ, ощущающий свою призванность к голгофскому пути.

Действительно, Российская Идея, если проследить ее путь через всю историю русской мысли, по существу своему идея **христианская**. Но не надо забывать, что историческая идея народа есть его вечная **заданность**. А поскольку мы — политики, мы должны, при самой высокой **целевой** установке, сохранять чувство реальности.

Что же требует от нас «социальное раскрытие христианства» и что, с другой стороны, лежит в плане возможностей человеческого греховного существа? Ставлю этот вопрос не для его разрешения (что может быть по плечу только самым крупным из наших мыслителей) — но для уточнения, поскольку возможно, самой **постановки проблемы**.

До сих пор христианство понималось лишь в порядке личного благочестия. При таком толковании, в христианстве каждой отдельной личности предполагалось два момента: момент веры и момент действий. Для каждого христианина эти два момента должны быть неразрывно связаны.

Теперь, если это понимание перенести на целое общество, т.-е. наполнить это понимание **социальным** содержанием, то окажется, что каждый член этого общества и все общество в целом, должны носить в себе эти два основных христианских момента; и требования, предъявляемые к каждой отдельной личности, входящей в целое — сразу же чрезвычайно повышаются: личность обязана христианским отношением не только к Богу и к ближнему — но еще и к «дальнему», ко всему социальному целому.

Однако такое общество, в данный период, возможно лишь в том случае, если члены его будут религиозно близки друг ко другу. Мы же стоим перед народами Государства Российского — где есть и магометане, и евреи, и буддисты, и всевозможные сектанты.

Доказывает ли это неосуществимость нашей заветной мечты? Нет. С нашей точки зрения было бы грешно думать, что Бог собрал все эти верования различных национальностей в единую нацию по ошибке или случайно.

Поэтому, если мы хотим согласовать возможные сейчас действия с российской идеей, мы должны сами задать себе вопрос: не заключен-ли именно в этом «смешении языков» великий смысл — «да прославится Имя Господне»? И не лежит ли в данный момент, в теперешнем отрезке извечного пути российского народа, именно на **православных христианах** великий долг духовной инициативы и примера?

Другими словами, если христианская часть населения возьмет на себя обязанность проведения в жизнь **христианских действий,** не пойдут ли за ней все нехристиане, которые стремятся к содружеству и сотрудничеству всего народа российского, всей российской нации, во имя справедливости и общего блага?

Мне кажется, что для того, чтобы не отрываться от реальности, надо признать нашей первой задачей устройство внутри-российского социального строя, основанного хотя бы на требовании действий, не расходящихся с духом христианства, т.-е. на **христианской этике.** Задача сама по себе уже бесконечно большая, если посмотреть на то, что делается в России сейчас. Задача, с другой стороны, ведущая нас, через века, к нашей вечной Цели, как я ее понимаю: всеобщей христианизации жизни.

Несомненно от христианской этики до христианства — еще очень далеко. Но от современной «морали» («буржуазной» или «пролетарской» — безразлично) до этики христианской — не ближе.

Поставим же себе теперь большую, но вполне конкретную, реальную задачу: разработку основ социального уклада, одухотворенного той этикой, высоту и чистоту которой никогда еще не оспаривало ни одно, даже враждебное, вероучение.

На этом пути мы пойдем плечо к плечу со всеми теми, кто, веруя **по разному** в Единого Бога — стремится к дейтвительному просветлению жизни, к насыщению ее духовным содержанием.

Но мы должны все ясно отдать себе отчет: этот путь ведет **не назад** в катакомбы, к кострам инквизиции, к «крестовым» походам, в келью от мира укрытого монастыря. Пореволюционную Россию наш путь зовет **вперед — к новому и небывалому.**

Ирина Ильинская.

ИЗ ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ

«Наша цель...: устроение нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического». Так трактуют «Утверждения» задачи пореволюционной эпохи, давая в ряде статей **идеологическое** обоснование этой абсолютно-ясной формуле, не допускающей упреков ни в реакционности, ни в большевизанстве.

Здесь я попробую дать беглый обзор поставленной проблемы в плане социально-экономическом. Рассмотрим сначала какие причины заставляют пореволюционную мысль отказаться от веками налаженной капиталистической системы.

Прежде всего потому, что благодаря чудовищному духовному ослеплению, человечество оказалось заведенным этим строем в моральный тупик: оно приняло средства за цель — промышленность, торговля, наука — все попало в рабство к золоту, которое, по первоначальному замыслу, должно было служить лишь единицей обмена. Извлечение матерьяльной пользы, «делание денег» — стало целью «экономического» чело-

века. Эта «цель» нашла и достойный попутный «идеал»: право на безделье.

Поставленная задача — неминуемо приводит к необходимости эксплоатации человека человеком в целях извлечения из труда прибавочной стоимости, т.-е. процентов, на которые богатые могут жить не растрачивая основного капитала. В результате — узаконенная экономическая борьба всех против всех, чувство обособленности (индивидуализм), развитие эгоизма, жадности, исчезновение духа солидарности и социальности.

Подобный «моральный» базис лишает предпринимателя возможности разумно руководить своим предприятием, вынуждая его, в смертельной борьбе с конкурентами, без оглядки расширять свое производство, не увязывая производительную способность предприятия с емкостью рынка или предпринимая те или иные «маневры», экономически часто разрушительные — но спекулятивно выгодные в биржевом отношении. Трудность сбыта порождает необходимость торгового посредничества и рекламы, расходы коих покрываются за счет потребителя.

Таким образом, расширяющееся производство, не будучи в состоянии, в условиях капиталистического строя, найти сбыт своей продукции, ведет к промышленным кризисам и финансовым крахам, влекущим за собой раззорение тысяч мелких акционеров и безработицу для миллионов тружеников.

Из этого положения вещей исходит стремление заправил современного финансового мира обязательно загнать рост производства в такие колодки, в которых предложение товара не превышало бы хорошо оплачиваемый спрос на него, — и тем поддержать цены на уровне, обеспечивающем акционерам высокий доход с капитала.

Но тут то и вскрываются органические противоречия капиталистического строя, при которых потребитель заинтересован в безостановочном увеличении количества доступных жизненных благ и в максимальном снижении цен, вплоть до совершенного уничтожения предпринимательского процента на оборотный капитал — а предприниматель, наоборот, заинтересован в максимальном росте этого процента, хотя бы ценой понижения жизненного уровня народных масс.

В поисках выхода из экономического тупика возникла идея введения планового начала в организацию промышленности — по советскому образцу. Но буржуазные реформаторы, очевидно, забывают, что капиталистически - индивидуалистическое хозяйство развивается лишь в условиях «экономического либерализма» — полной свободы частной инициативы. В случае принудительного планирования производства, промышленность неминуемо пойдет по пути т. н. «картеллирования», т.-е. поглощения мелких производств более крупными. В результате должна вспыхнуть открытая война между планирующей властью и картеллированной промышленностью, т. к. последняя захочет диктовать условия и цены, вопреки интересам государства; война-же между буржуазно-демократическими правительствами и банками кончится безусловно победой банков — т. к. именно они (через свою печать и партийные кассы) фактически назначают эти правительства. Все вернется в «исходное положение» — но экономическому благосостоянию страны будет нанесен еще лишний удар, а за битые горшки придется расплачиваться потребителю.

Такая «социально-экономическая какофония» может привести только к социальной революции в наиболее законченной форме ее выражения — к коммунизму.

Останавливаться на критике коммунистической доктрины я не буду, т. к. людям духоверческого мировоззрения вся уродливость марксистской матерьялистической конструкции особенно ясна.

Но вот в последнее время стал очень модным проэкт разрешения экономической проблемы на основе совместного использования государственного и частного начал в национальном хозяйстве. Нежизненность этой гипотезы наглядно показала судьба так называемой НЭП — политики, проводившейся комвластью в период 1922-1928 г.г. Такому сосуществованию двух систем неминуемо грозит поглощение одной из этих систем другою. И если бы НЭП не была своевременно пресечена, то «командным высотам» социалистического сектора промышленности угрожало бы быть захлестнутыми сво-

бодной конкуренцией частных предприятий, и реставрация капиталистического строя в короткое время стала бы фактом. Эта угроза и вынудила большевиков вернуться к псевдо-коммунистическим (гос-капиталистическим) принципам.

Я полагаю, что организация промышленности на основе сосуществования государственного и частного начал может быть лишь временной («паллиативной») мерой переходного периода от капитализма к коммунизму (или наоборот), а не к какой-либо другой, на совершенно ином начале утвержденной, системе, — рассчитанной «всерьез и надолго».

Всем экономическим системам, построенным на матерьялистической основе, должна быть противопоставлена действительно **новая** экономическая политика, направленная к осуществлению максимально-возможной социальной справедливости и утверждению реальной духовной свободы человека.

Мы видели, до чего довела мир «воинствующая экономика» — обратившая жизнь человечества в какой-то грандиозный пищеварительный процесс. Пора поставить ее на **подчиненное** (по отношению к духовно-культурным процессам) место.

Наиболее соответствующим путем к осуществлению наших принципов в данную эпоху я считаю корпоративно-кооперативную форму организации экономической жизни идеократического государства.

Поскольку капитализм есть узаконенная жесточайшая война («на истребление») единиц между собой — «всех против всех» — а коммунизм — война (тоже «на истребление») социального слоя со слоем — обе эти системы построены, в конечном счете, **на одном и том же «разделяющем»**, эгоистическом начале. И лишь самым широким образом понятая **кооперация** (сотрудничество), связанная с системой профессионального представительства, выдвинет не только новое начало экономического устройства, но и начало «объединительное», т. е. более высокого морального уровня, — и, что для нас может быть важнее всего: наиболее приемлемое с точки зрения христианских этических представлений.

Такая система, при рациональном использовании народной энергии и национальных богатств, должна объединить интересы потребителя с интересами производителя, в отличие от фурьеристского принципа приоритета интересов потребителя и противоположного ему принципа сен-симонизма.

Опыту подробного рассмотрения такой экономической конструкции я расчитываю посвятить на страницах «Утверждений» отдельную статью.

А. Холодилов.

СИЛА ИДЕИ

Часто слышишь жалобы: «значение эмиграции ничтожно. В России нам нет места, за границей нам нечего делать. Мы не имеем возможности вести активной политической работы. Пока большевики не будут побеждены силой, бессмысленно о чем бы то ни было говорить». Как будто — большевизм — нечто внешнее, что может быть уничтожено силой и как будто действительность можно перестроить чисто внешними средствами. Грубейшая ошибка, с которой встречаешься на каждом шагу. Всякое доказательство противоположного вызывает такое же недоумение, какое встретили некогда слова Христа: «взявший меч от меча погибнет». Большевизм кажется теперь столь же непоколебимым, как в те времена Римская Империя, и предлагаются те же средства борьбы — **внешняя сила.**

Между тем институт например **рабства** фактически был уничтожен не революцией, не указом, а **новым правосознанием.** Доблестному — по понятиям того времени — презрению к невольнику было противопоставлено абсолютное достоинство человеческой личности, и новая, высшая **идея** победила.

В настоящее время пред миром стоит осуществление новой очередной задачи — решение социального вопроса. И прежде чем браться за оружие или ждать в неопреде-

ленном будущем соответственных политических возможностей, — нужна огромная, чисто **идеологическая** работа. Мы живем в удивительную эпоху, в эпоху гибели старого и рождения нового мира. Чтобы сознавать это, не надо быть ни пророком, ни ясновидящим. На рубеже новой эры, новой религиозной культуры, в эпоху головокружительной смены идей и событий мы совсем **по новому** воспринимаем творчество Хомякова, Киреевских, Вл. Соловьева и др. Лишь после опыта революции русская общественно-политическая мысль обрела свое истинное лицо. Плеяда современных религиозных мыслителей тесно примыкает к своим предшественникам, продолжая культурную русскую традицию. Бердяев, Франк, Лосский и др. глубоко вскрыли сущность западной цивилизации, ее достижения и ошибки, разрыв между религиозными истоками культуры и внешними ее проявлениями.

«Утвержденчество» становится знамением времени, оно овладевает **жизнью:** мы видим, как вчерашний эсер становится евразийцем, позитивист — религиозным, коммунист — человеком пореволюционного сознания.

В исторический процесс вольется только то, что будет целостно и жизненно, независимо от того будет ли жить человек в Москве, в Париже или на острове Яве. Эмиграция — не вне исторического процесса, потому что Россия — не только страна и государство, Россия — идея, нераздельная с нами. **Вольется ли данный человек в исторический процесс или будет за бортом — зависит от того, будет ли он на высоте новых идей, идущих на смену старому миру.**

София Бохан.

национальная идея-правительница

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Одним из распространенных психологических состояний является, несомненно, убежденность в необходимости сложных мероприятий и идей для преодоления сложной обстановки. Такая точка зрения в настоящее время царит среди эмиграции, беспомощно пытающейся разобраться в русских дебрях. Это душевное состояние вызвало изобилие разнообразных исканий, главным образом философского и социального порядка, основная черта коих сказывается в тяготении к сложным разрешениям предполагаемых заданий. Соответственно этому подходу, в эмиграции замечается большое оживление в областях теорий и всяких суждений, расчитанных на более или менее далекое будущее, при полном отсутствии каких либо практических результатов, в смысле преодоления настоящего неудовлетворительного положения вещей. Последнему обстоятельству нисколько не приходится удивляться, так как всякое достижение получается в итоге действий, порожденных господствующей в сознании человека **идеей.** При наличии множества идей, одинаково и одновременно притязающих на руководство человеком, — усилие, пробужденное в одном направлении какой либо идеей умаляется, скашивается или уничтожается действием, основанным на другой мысли.

Конечно, идейное богатство человека составляет его силу. Но творчество и длительные достижения невозможны вне одной единственной двигательной силы, **подчиняющей** себе все остальные. Сознание этой необходимости выдвинуло представление об «идеократии» и идее-правительнице.

Само определение идеи, как **Правительницы** — уже указывает на то, что далеко не всякая мысль способна быть ею. В этой роли понятия частного и специального вытесняются понятиями общего и генерального: лишь идея, которую можно назвать **общенациональной** (в смысле принятия **всею** нацией) является, по моему мнению, единственно-возможной идеей-правительницей. Ей, как идее совокупного и общего, принадлежит первенство перед всеми социальными

представлениями классового или индивидуального характера, выразителями частного и местного.

Но идея, долженствующая прочно объединить всю нацию, не может быть случайной или временной — ибо в противном случае уже не будет разницы между национальной идеей и **преходящим настроением** народных масс. Для того, чтобы явиться действитльно-крепкой основой идеократии, она должна быть **прежде всего** еще **и исторической идеей,** — т.-е. одухотворять собой народное творчество на всех исторических путях страны.

Какова же российская национально-историческая идея?

Дать ее окончательную формулу — вопрос ответственный. Может быть и непосильный для каждого из нас в **отдельности**. В настоящей заметке укажу лишь некоторые характерные признаки, которые **должны** были бы быть свойственны исторической идее **каждого** великого народа. Ее можно определить прежде всего, как **отказ** от угнетения человека человеком, социального слоя — слоем, народа — народом. С другой стороны — как **утверждение** свободного, сознательного сотрудничества людей (Общего Дела) во имя поднятия человечества (и человека) на высшую духовно-культурную ступень.

Национальная идея, оставаясь «правительницей», может сочетаться почти всегда с любыми взглядами на различнейшие социальные проблемы, поскольку они утверждают принцип **Общего Дела,** как **основу** человеческих отношений. В частности и применительно к современной обстановке, российская идея менее всего связана с реставраторством — ибо она, как всякая национально-историческая идея — надвременна.

Вместе с тем совершенно очевидно, что коммунистическая власть, преследующая своей ненавистью всякую национальную идею и стремящаяся всячески ее подчинить и использовать на «частные» цели классовой борьбы и угнетения, не может сознательно быть национальной властью. Она составляет помеху в развитии творческих сил России и поэтому подлежит устранению.

Национальная идея — основа жизни. Если Россия еще жива, то потому, что загнанная в подполье, национальная идея, хотя еще непроясненно, но продолжает гореть в русских сердцах. Кто перечтет всех тех, кто думает служить России, защищая коммунистическую власть? Но пора опомниться и осознать, что национальная идея — не служанка, а повелительница и что частное укладывается в общем, а не общее — в частном. Поэтому, как ни велики поставленные революцией социальные проблемы, как ни ценны оплаченные безумными жертвами ее уроки, все же необходимо признать их бесплодность вне общенациональных основ, т.-е. основ содружества, без коих не может быть твердых человеческих отношений.

Только осознание, оформление и последующее восстановление в правах национальной идеи-правительницы, воплощающей в себе принципы исторической преемственности и совместного культурного творчества на великое, общее дело — даст выход из тупика.

Б. Шварц.

к проблеме идеократии

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Каждый народ бессознательно идет по путям своей национально-исторической Идеи. Это очень плохо, что **бессознательно:** попадает в тупики, вырывается из них ценою крови и страданий, мучительно (и тоже бессознательно) выпрямляет им-же искривленную линию своего культурного развития.

Но как познать ведущую Идею своего народа? Она, очевидно, как-то предстоит перед его **духовным** взором — но как вывести ее из сферы подсознательного, как постичь, изучить, — чтобы затем **сознательно** ею руководствоваться во всех отраслях **народной и государственной** жизни? Ведь от **степени**

этого необходимого познания зависит возможность создания государственного строя и социального уклада, соответствующих духовно-нравственному облику народа, его правовым и этическим представлениям, его миссии среди других народов.

Не плебисцит-же устраивать? Ведь не мнение т. н. **«эмпирического»** народа (данного населения страны) нам надо узнать — и не преходящее его настроение; нам надо постичь **«исторический»** народ, понять его призвание и извечно заданные ему пути, — «исторический» народ, как некую **сверх-личность,** совокупность предков и потомков, — живущих, умерших и еще не родившихся, — так сказать «народ перед Лицом Божиим». Только поняв его историю, как некий вид **биографии** сверх-личности — сможем мы понять, почувствовать его **душу.**

Национал-максималисты, к каковым принадлежу, полагают, что лучшим и вернейшим способом познать свой народ и осознать незримо ведущую его национально-историческую Идею является внимательное и вдумчивое изучение **народного творчества.** «Теперь уже перестали спорить о том, индивидуально оно или коллективно, творит-ли художник и писатель или **весь** народ: для огромного большинства уже стало ясным, что **творит именно весь народ** — и не эмпирический народ, а «народный гений», — «народ перед Лицом Божиим». Носители «искры Божией на земле» — люди творчества — только **антенна и рупор,** — почувствовавшие еще не всем доступное, выразившие дотоле для всех еще невыразимое: великие национальные мыслители и провидцы, философы и отшельники, поэты и святые...» («Утверждения», книга III, стр. 29).

Итак надо вслушиваться в то, что воспринимают «антенны», что вынашивают в душе «рупоры» народного подсознания — «мыслители и провидцы». Ибо они — провозвестники путей того вечного, «исторического» народа, определенное преобладание велений которого над настроениями народа «эмпирического» — и есть основная предпосылка всякой истинной идеократии.

В настоящем номере нашего журнала, «в порядке справки» приведено несколько цитат из творений представителей подлинно российской мысли (ибо была у нас и школа т. н. «западников», творчество коей явилось не столько органическим, сколько **переводческим).** Через них проходит «духовная магистраль» — «от славянофилов и народников до анархистов типа Бакунина включительно» — которая сама говорит за себя. В этих цитатах, как в зеркале, отражен и **облик** народа, и сознание им своей особой, неповторимой **миссии** — и даже дана некая примерная ее **формулировка.**

Серьезное изучение национальной мысли и национального творчества во всех его видах и преломлениях даст нам неисчерпаемый, ценнейший матерьял, до сих пор еще совершенно недостаточно (и не в надлежащем разрезе) разработанный.

Национальная идея есть **сложный комплекс** и в нем наличествуют разные составные элементы; изучая ее надо помнить, что и в этом комплексе **должна быть установлена четкая иерархия ценностей;** помнить, что «мир задуман стройно и гармонически» — и что национальные идеи различных народов должны стремиться к органическому, творческому между собой сопряжению, что все они до известной степени взаимообусловлены и что задание их — итти «в **согласном** хоре к окончательной цели, им всем предназначенной» (Достоевский). В каждой национальной идее имеются моменты индивидуальные, неповторимо-ценные, — но долженствующие занять в общей иерархии ценностей место более скромное, чем моменты «всечеловеческие», «вселенские», подлежащие преимущественному утверждению.

В итоге всего сказанного, прихожу к выводу, что ближайшей задачей пореволюционно-мыслящих должно быть добросовестное и объективное изучение, осознание и оформление национально-исторической Идеи нашей страны, в ее высшей, всечеловеческой интерпретации.

Затем — уточнение ее «проэкций» на **современную** действительность во всех отраслях государственной и социальной жизни.

Наконец — теоретическая разработка проблемы пореволюционного строя «соответствующего духовно-нравственному облику на-

рода ,его правовым и этическим представлениям, его миссии среди других».

Как практически осуществить «правление Идеи»? То, что Н. С. Трубецкой назвал **«идеократией»** — противопоставив ее «геронтократии» (правлению старейших), «аристократии» (правлению лиц определенного происхождения) и «демократии» — давно уже ставшей «плутократией», т.-е. правлением богатых.

Для того, чтобы населяющий в данную минуту страну «эмпирический» народ прислушался к звучанию ведущей его исторической Идеи — т.-е. иначе говоря прислушался к себе самому, к тому лучшему и вечному, что в нем живет и не умирает — необходимо, чтобы Идею почувствовал и понял тот социально-общественный слой, который ведет страну в данный момент ее истории. Ибо всегда и при всех условиях всякую страну ведет какой-нибудь вполне определенный социально-общественный слой — как-бы его представители не стремились скрыть, затушевать его роль в государстве, — или даже отрицать самый факт существования подобного слоя (например, в демократиях).

Стихийность, бесконтрольность в деле создания и оформления ведущего слоя — основная язва современного государства. Ее трудно излечить уже потому, что даже сама **постановка** проблемы вызывает возражения и отталкивания.

Что-же представляют собой все эти вышеперечисленные «кратии»? Чем они главным образом отличаются друг от друга? Да как раз неодинаковостью того принципа, на основе которого в них складывается «ведущий слой». В первых двух (геронтократия и аристократия) отбор производится чисто-механически, по признаку возраста или происхождения — т.-е. фактически без той или иной возможности волевого воздействия на отбор. И во всяком случае — **безо всякой гарантии чуткости отобранного слоя к национально-исторической идее страны.** Еще хуже с «демократией» — выдвинутые ею элементы отнюдь не склонны признавать известную фактическую «забронированность» их привиллегированного положения. Прав Трубецкой: «формально отбор здесь производится по признаку отражения общественного мнения и получения общественного доверия: т.-е. к правящему слою принадлежит всякий, кому известное (сравнительно значительное) число лиц данной местности при помощи голосования доверяет отражать мнения этой группы лиц. Но фактически дело обстоит, конечно, иначе. Правящий слой при демократическом строе слагается из людей, профессия которых состоит не столько в улавливании и отражении фактического мнения разных групп граждан, сколько в том, чтобы внушать этим группам разные мысли и желания под видом мнения этих самих граждан. Сюда, следовательно, входят активные члены партий, руководители разных профессиональных организаций, журналисты, профессиональные ораторы и, наконец, столь-же **профессиональные депутаты.** Весь этот слой представляет из себя нечто довольно **однородное** (несмотря на обязательную, вызванную самой техникой политической жизни, многопартийность), так что всякий новый человек, вступивший в эту среду, либо ею ассимилируется, либо извергается вон» («О государственном строе и форме правления», стр. 5).

Если к этому добавить, что практически выбирают те, кто финансируют выборные кампании и поддерживают печать — т.-е. консорциумы и банки — то говорить о «гарантиях чуткости к национальной Идее» при «демократии» не приходится.

Но ныне сама жизнь выдвигает новые формы отбора ведущего слоя — отбора не по возрасту, не по происхождению или по большинству купленных голосов — а **по общности мировоззрения:** это — «пред-идеократии» СССР, Италия, Германия — и, до известной степени, — Польша и Турция.

Называю их **пред-**идеократиями, так как в СССР, Польше и Турции выдвигаемая ныне «идея-правительница» только очень отдаленно напоминает национально-историческую Идею каждого из этих народов; что-же касается Италии и Германии то они, конечно, много ближе стоят к подлинной идеократии — однако, в обоих случаях в комплексе,

именуемом нами Нац. Идеею, подчеркивается не **лучшее**, призванное когда-нибудь вырасти в **общечеловеческое** — а главным образом частное, вторичное, — иногда и темное, шовинистическое, подлежащее всемерному преодолению.

И все-же надлежит указать, что именно **в этом** направлении должны быть сосредоточены искания наших пореволюционных течений; ибо завтрашний исторический день есть несомненно день **идеократии.** И потому особенно современной становится проблема организации **ведущего слоя.**

Чтобы лучше понять все значение сознательного и рационального его отбора в современном государстве, совершенно необходимо сразу-же отметить сравнительную **второстепенность** проблемы т. н. «формы правления». Действительно, демократическая монархия (например, Англия) стоит гораздо ближе к демократической-же республике, чем к монархии аристократической (например, Абиссинии), — а полу-идеократическая итальянская монархия несомненно наиболее близка к полу-идеократической германской республике. Ясно, что при таких условиях принцип, на основании которого народ выдвигает ведущий слой страны, становится фактором первостепенной важности.

По этой-же причине особо существенной является разработка и обоснование тех начал, которые должны стать фундаментом и мерилом **сознательного и целеустремленного** отбора ведущего слоя в новом идеократическом государстве.

Евразийцы одни из первых задумались над этой проблемой — но решение ее предложили совершенно неудовлетворительное. Они хотели просто заменить диктатуру «единой и единственной» партии коммунистической — диктатурой тоже «единой и единственной» (хотя еще и не созданной) партии «евразийской».

Такое решение мне кажется неприемлемым прежде всего потому, что правление Идеи (т.-е. действительных и искренних ее носителей) здесь подменяется правлением партии, желающей **монополизировать** представительство этой идеи; в ее ряды немедленно кинутся все наличные авантюристы, «любители по-править», а через десяток лет весь идеологизм (который, конечно, будет иметь место вначале) выветрится и строй незаметно выродится в типичную олигархию (власть насильственную); место идей займут интересы; из «служителей Идеи» новое «правящее сословие» неминуемо создаст кадр безыдейных **поработителей** идеи и «Идея-Правительница» (как при Сталине) неизбежно обратится в «идею-служанку»...

Евразийская концепция идеократии не дает никакого **прочного и обоснованного** критерия для определения **содержания** ведущей идеи; поневоле создается **бессодержательная** форма — тем самым весьма опасная и легко могущая стать орудием любой олигархии (ибо нельзя-же серьезно считать «идеей» остроумное замечание, что Россия географически не Европа и не Азия — а своего рода «Евразия»); если не иметь необходимого критерия, если не утвердить, что **именно и только историческая Идея, в национальном творчестве познаваемая,** дает содержание идеократии — то никакой не будет разницы между «новым строем» и любой южно-американской «партийной» диктатурой в рамках демократического строя».

Неприемлемой мне кажется и диктатура какой-либо партии («отбора»), как **нормальное и постоянное** явление государственной жизни. «Дух дышет, где хочет» — евангельский завет имеет для нас исключительное значение: **вне свободы нет и не может быть христианства;** христианская этика никогда и ни при каких условиях не может оправдать насилия, особенно со стороны более сильного в отношении более слабого.

В четвертой книге «Утверждений» будет помещена одним из лидеров нашего движения обстоятельная статья, излагающая **положительное содержание,** вкладываемое нами в понятие идеократии. К сожалению, размеры «Завтра» не позволяют разработать на его страницах эту тему достаточно всесторонне; а она того заслуживает.

В заключение настоящей заметки укажу лишь, что в моем представлении идеократический строй должен быть **правлением национально-исторической Идеи,** осуществляе-

мым в условиях **гражданских свобод** силами некоего **ведущего слоя,** выдвинутого не по матерьяльному (партбилет) признаку, а по принципу совершенно иному: выдвижение людей определенного морально-психологического облика, независимо от их партийной принадлежности и религиозных убеждений.

Мне лично кажется, что Россию можно лучше всего определить, как **страну веры и труда.** Люди веры и труда — это те, кем на протяжении веков создавалась наша родина — создавалась духовно и матерьяльно. Мне думается, что именно на людей такого духовно-нравственного склада и ляжет великая миссия строения и устроения пореволюционной России.

Игорь Сабатаев.

В порядке справки

(К проблеме российской национально-исторической идеи)

...«Видно подошел срок чему то вековечному, тысячелетнему, что подготовлялось в мире с самого начала его цивилизации...».

Ф. М. Достоевский.

...«Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество...».

П. Я. Чаадаев.

...«Нищая земля наша может быть в конце концов скажет новое слово миру...».

Ф. М. Достоевский.

...«История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал...». **А. С. Хомяков.**

...«Мы призваны обновить жизнь цивилизованного мира, внести в нее высшие элементы, которые сама она выработать не в силах...». **Н. Чернышевский.**

...«Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота...».

А. И. Герцен.

...«Лесная и степная Россия — неопрятная деревенская люлька, в которой беспокойно возится и беспомощно кричит мировое будущее...». **В. Ключевский.**

...«Мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества...». **Ф. М. Достоевский.**

...«Русская история имеет значение Всемирной Исповеди. Ее можно читать, как жития святых...». **К. С. Аксаков.**

...«Ужасна, дика, нестерпимо-мучительна эта чреватость земли русской будущей самостоятельной идеей — и тяжкими, суровыми осложнениями грозит она для организма рождающей...». **Ф. М. Достоевский.**

...«Теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге...». **П. Я. Чаадаев.**

...«Эта почти братская любовь наша к другим народам, эта потребность наша всеслужения человечеству... Там, в Европе, каждая народная личность живет лишь для себя и в себе, а мы начнем с того, что станем все слугами для всеобщего примирения...».

Ф. М. Достоевский.

...«Мы не противопоставляем народное общечеловеческому. Мы знаем хорошо, что общечеловеческое осуществляется в истории черезъ народность...». **Ю. Ф. Самарин.**

...«Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только — стать братом всех людей, всечеловеком...».

Ф. М. Достоевский.

...«Россия слишком велика и могущественна, чтобы проводить национальную политику. Ее дело в мире есть политика рода человеческого...». **П. Я. Чаадаев.**

...«Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское назначение в его идеале...».
Ф. М. Достоевский.

...«Цель России не здесь, а в более прямой и всеобъемлющей службе христианскому делу...». **В. С. Соловьев.**

...«Русской земле... чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской...».
А. С. Хомяков.

...«Историческая задача России состоит в универсально - жизненном осуществлении христианства...». **В. С. Соловьев.**

...«Может быть главнейшее предызбранное значение народа русского в судьбах всего человечества и состоит в том, чтобы сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время — явить этот образ миру, потерявшему пути свои...». **Ф. М. Достоевский.**

(Продолжение следует)

гражданские свободы

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Собираясь хоронить какую нибудь политическую систему, надо прежде всего задаться вопросом — «что в данном покойнике есть ценного» — иначе всегда может случиться, что похороны окажутся мнимыми, — покойник восстанет из гроба, как живой водой вспрыснутый. Несоблюдение этого золотого правила политики очень наглядно на опыте коммунистов: не признавая ни в одной политической системе, бывшей до них или стоящей вне их, абсолютно ничего хорошего, они тем самым создают психологические предпосылки для реакции; памятуя при этом о их собственном марксистско-троглодитном творчестве, назовем эти мечты о реакции вполне объяснимыми. Несомненно, что и самые скверные годы рухнувшей империи и какая нибудь экзотическая Либерия в праве замерцать, как недосягаемый идеал, для несчастных граждан коммунистического государства.

В такое же положение попадают фашисты и национал-социалисты по отношению к демократии: она проглатывается без остатка, как шпага факиром. Самое слово «демократизм» приобретает характер мистического, абсолютного зла, навязчиво преследующего сознание.

Все новые русские политические искания, приобретшие права гражданства под именем пореволюционных течений, конечно, следует охарактеризовать, как родственные фашизму, — шире и глубже его по исходным мыслям, но того же рода — не надо избегать этого сравнения! — Но так как наши пореволюционные направления находятся еще в зародышном состоянии, то может быть не упущен еще момент, чтобы проверить отношение к демократии, исходя из «золотого правила».

Действительно-ли в демократии нет никаких ценностей и вся она сводится к нескольким дюжинам биржевых зайцев и вертлявых журналистов? Нельзя-ли сквозь толстую кору пошловатого позитивизма и торгово-таможенного национализма прощупать кое-какие и настоящие ценности? — И для того, чтобы беспристрастно отнестись к отправным ее идеям, постараемся забыть на время гиблые фигуры самих демократов, одаривших нас эрой версальского человечества.

— Свобода — правовое укрепление личности: неприкосновенность ее, свобода совести, слова, печати — вот идеи демократии, которые совершенно не надлежит хоронить вместе с ней; фашисты и хитлеристы остаются между двумя эпохами и демократизм, исходя из непреходящей ценности свободы, останется в ореоле мученика, готового воскреснуть — и воскреснуть со всем тем, чему оживать вовсе не следует.

Выше мы упомянули о родстве между пореволюционизмом и фашизмом; отметим и огромное принципиальное расхождение: все русские пореволюционные течения (за микроскопическими исключениями) исходят из христианства и самое слово «политика» по-

нимают, как способ осуществления в жизни христианской правды. Как известно, фашизм и национал-социализм чужды христианству, и во всяком случае не исходят из него; как следствие этого, они сверх меры питаются провинциальными идеями антропологических особенностей. Если же пореволюционные течения в основу свою кладут именно христианство, понимающее личность, как самоценность, то дальнейшей политической проэкцией может быть только то, что составляет как бы «охранную грамоту» самоценной личности — гражданские свободы ;всякие уклоны в сторону от них будут уклонами от христианства вообще.

Надо сказать, что такие уклоны от прямых выводов есть. Программные параграфы о гражданских свободах как то прилипают к гортани нашим пореволюционерам; с этим надо покончить. Но, отмечая этот факт, нужно немедленно привести нечто и в его моральное оправдание: действительно трудно говорить о свободах, когда вся наша политическая деятельность имеет одну главную точку приложения: борьбу с коммунистами. Создается как бы инстинктивное опасение, что всякие разговоры о свободе могут только разжижить волю к ликвидации компартии — а на нас лежит миссия крестоносцев! — Встает, как живой, 1917 год...

Думается, что если своевременно начать воспитывать свое сознание на разграничении моментов временных, «борьбистских», — от идеологических, принципиальных — то эти опасения несущественны: свободу надо понять, как обязательную цель, которая достижима очень трудной и долгой борьбой.

Есть и другое, что препятствует пореволюционным течениям подойти к декларациям свобод с той умопомрачительной легкостью, как это делали вожди Февраля. — Как сочетать новую экономическую структуру, которая мыслится, как равнодействующая между частной и государственной инициативой, с принципом гражданских свобод? Совместимо ли это вообще? И как при этом будет выглядеть административное устройство?

— Это вопросы чрезвычайной важности. Когда они будут разрешены, то тогда, собственно, и начнется новая пореволюционная эпоха, — совершенно так, как в свое время кодекс Наполеона поставил на рельсы эпоху теперешнюю.

Относительно новой эпохи мы можем довольствоваться сейчас только **принципиальными** положениями, утверждая ее как **синтетическую,** т.-е. видя в ней синтез между капиталистическим «тезисом» и коммунистическим «антитезисом»; синтез, конечно, духовно-насыщенный, преодолевший матерьялизм и тезиса и антитезиса. Одно лишь можно предсказать совершенно безошибочно: если сейчас про свободы забыть, то они наверное в синтезе фигурировать не будут.

Положительное отношение к гражданским свободам позволяет выдвинуть **понятие неодемократии.** [1]) — Сведем это понятие к наглядной математической формуле: неодемократия есть демократия минус плутократия и плюс христианство.

Николай Былов.

---

[1]) Автор настоящей статьи впервые ввел этот термин в политический лексикон эмиграции. Отмечаем это обстоятельство, так как этим термином стали уже злоупотреблять, искажая вложенное в него Н. Н. Быловым содержание. — **Ред.**

О самоограничении

Россия голодает. Вот уже 15 лет, как страна, под давлением объективных и субъективных причин, постепенно превращается в огромный монастырь с суровым голодным уставом. Было-бы смешно надеяться сохранить связь с нею, с подлинной современной Россией, не участвуя в ее посте.

Народники 70-ых годов надевали лапти и армяки и уходили в села, жили крестьянской жизнью. Вот интересный и едва-ли не единственный путь активизма: поставить себя на средний советский паек; пол-фунта хлеба, фунт картофеля, x-унций жира... И так изо дня в день, долгие месяцы. Как легко тогда было-бы понять друг друга, — сблизиться, — даже полюбить. Эта мысль может показаться смешной; но смех — не аргумент.

Впрочем мы, в огромной массе своей, живем (в силу объективных причин) в тяжелых матерьяльных условиях. И почти нет опасности, что нас встретят упреком: вы плясали и обжирались, мерзавцы. Но ведь советский гражданин урезан не только в калориях. По страшной логике вещей — доктрина, взращенная подвигом и самоотвержением, осуществимая лишь в какой-то зависимости от победы духовных начал над инстинктами—мнит себя предельно материалистической. И на данном, слепом этапе, под тяжелым прессом, — зажато, завинчено, корчится и извивается почти все безсмертное, что есть в человеке. Духовный паек советского гражданина пропорционален его мясному пайку.

А мы! Какому канкану, какому словесному блуду, отвратительным излишествам — предаемся мы?! Пред нами океаны религий, систем и культов. Как это все поглотить? Мы обожрались, опились, ходим пьяные, бормоча страшные слова: нам известно, чего Бог не хочет, Св. Тереза наша личная знакомая, Блавацкая и Св. Франциск Ассизский нам родственны, златокудрые звери бегают по Монпарнассу; каббала и Дж. Джойс. Где нам все эти слова наполнить содержанием? Разве — проживи мы десять жизней! Впрочем, чем больше духовный опыт — тем скромнее словарь. Франциск Ассизский вряд ли считал себя мистиком...

Старые революционеры безошибочно узнавали охранников и провокаторов по красноречию, с которым они звали на баррикады. Кто простит нам эту разнузданность в голодное время, пьяную расточительность и безответственность? Каждое сказанное нами слово, при известном стечении обстоятельств, раньше или позже — упрется в кровь.

О скромности, о самоограничении, о духовной дисциплине, о чувстве ответственности, о реальном весе — во времени и в вечности — **каждого** чувства, мысли и слова, — эта статья.

В. С. Яновский.

КРАСНЫЙ АГРАРНЫЙ ФРОНТ

(Корреспонденция)

С первых дней января правительство напрягло все силы для подготовки весеннего сева. Речи Сталина (на январьском пленуме) о реорганизации и чистке «аграрного фронта» дополнили собой декреты о «принудительной сдаче хлеба», о «создании Политотделов», о «мероприятиях на Северном Кавказе», о «ремонте тракторов и мобилизации тягловой силы», — а также и пресловутый декрет 7-го августа 1932 года «об охранении социалистической собственности», ныне применяемый ударно. Все эти речи и меры должно были «подтянуть» и «наэлектризовать» отстающие от намеченных темпов крестьянские массы. Наконец, состоявшийся в феврале московский съезд «колхозников-ударников», собравшихся со всех сторон СССР, особенно подчеркнул то исключительное, **пристальное внимание,** которое вожди уделили вопросам весеннего сева.

На этом съезде делегаты колхозов, — «лучшие из лучших» (как писали о них газеты) не имели, разумеется, возможности высказаться: говорили за них вожди. Сам Сталин, принимая «красный парад крестьянства», обратился к ним с речью весьма знаменательной и для многих неожиданной: как будто из небытия вновь выплыло (но, правда, только промелькнуло) давно забытое бухаринское «обогащайтесь»...

«Первое достижение на аграрном фронте», говорил он, «это то, что миллионные массы бедняков, жившие раньше впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными. Мы добились того, что подорвали расслоение крестьян на бедняков и кулаков, разбили кулаков и помогли беднякам стать хозяевами своего труда внутри колхозов, стать середняками».

«Однако», добавил Сталин, «было-бы неправильно думать, что мы должны остановиться на этом первом шаге, на этом первом достижении. Чтобы двинуться дальше и окончательно укрепить колхозы, мы должны сделать второй шаг, мы должны добиться нового достижения. В чем состоит этот

второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников — и бывших бедняков и бывших середняков — еще выше. Он состоит в том, чтобы сделать всех колхозников зажиточными. Да, товарищи, зажиточными. (Продолжительные аплодисменты)» («Правда» от 23 февраля 1933 г.).

Едва отзвучали эти заманчивые слова, как 2.700 отборных большевиков, со значительным партийным и боевым стажем, было отправлено Москвой на пополнение Политотделов и в МТС,[2]) дабы «оживить политическую работу деревни», т.-е., другими словами, осуществить **милитаризацию весенней посевной кампании.**

За последние недели не только центральная, но особенно местная печать дает обильный матерьял в связи с деятельностью Политотделов. Мы таким образом имеем возможность «во всесоюзном масштабе» наглядно судить о той ожесточенной борьбе, которая сейчас происходит на аграрном фронте. Так в «Правде» от 28 апреля читаем: «Первое, за что взялись Политотделы — это чистка совхозов от классово-враждебных элементов»; дальше видим, что, например, в 24 совхозах УССР вычищено 1.340 человек — или 14,8% всего состава. По Сев. Кавказу в 17 совхозах вычищено 22% состава. В 6 совхозах Н. Волги вычищено 12%. В некоторых предприятиях вычищенные антикоммунистические элементы составляют 25-30% работников. «Не трудно представить», пишет автор корреспонденции К. Сомс (начальник Политуправления Наркомсовхозов), «каково состояние совхоза, если в нем **каждый четвертый или третий человек** работает на разрушение совхоза».

Вредительство сильно сказалось на ремонте тракторов. Так, например, в центральной мастерской Пятихатского Зерносовхоза, в только что **отремонтированном** тракторе, в коробке скоростей, обнаружен болт... В другом случае, тоже в коробке скоростей, оказался подложен железный «зубок»; в третьем, в картере, — найдены куски колец, шайб, гаек, железного лома и т. д. Впрочем надо сказать, что поломки и аварии машин не всегда вызваны сознательным вредительством: нередко их можно объяснить также и «низкой технической подготовкой рабочих и специалистов». Во многих совхозах не хватает трактористов: «хорошие трактористы уходят с работы из за плохих материальных и бытовых условий... За зиму, из имевшихся в прошлом году 79 тысяч трактористов ушло 47 тысяч человек».

Как заместить ушедших и создать новые технические кадры? «Политотделы взялись за техническую учебу», пишет Сомс; но автор признает, что начали это дело слишком поздно; колхозникам, ушедшим в поле, теперь не до учебы, и «даже неподготовленные трактористы сейчас заняты севом». В результате: «ежегодные массовые поломки тракторов». И далее: «Для того, чтобы прекратить текучесть квалифицированных рабочих, требуется решительное улучшение их материально-бытовых и культурных условий. Начальники Политотделов рисуют весьма неприглядную картину положения по причине невнимания руководителей совхозов. Директора в общежития не заглядывают месяцами. Нет даже медицинского обслуживания рабочих...». Нет дров, нет освещения, нет печеного хлеба, — хлеб есть, но черствый, не приготвлены обед, ужин... Если в совхозе и есть школа, баня, ясли, библиотека, красные уголки, то «вследствие преступного отношения, все это заброшено»...

А вот еще картина: «Политотделы Северного Кавказа за работой». Статья принадлежит А. Штейнгарту, начальнику политсектора С.К.К. Мы знаем, что эта область одна из самых отстающих и наиболее «караемых» советским правительством. Тут работает 225 политотделов; 10% начальников имеют дореволюционный партийный стаж, 25% работало в армии в качестве комиссаров корпусов. Сопротивление населения, всячески подавляемое этими отборными парторганами, выливается тут в самые своеобразные формы: «кулацкие и антиколхозные элементы», пишет автор, «не выступают теперь открыто за срыв сева, но они стремятся качественно его провести таким образом, чтобы понизить урожай (огрехи, просевы, сев по сорнякам, мелкая пахота, подрыв учета)». «По-

---

[2]) МТС — Машинно-тракторные станции.

чти все бригады в начале сева не выполнили норм; поломки и простои трактористов были обычным явлением...». В Армавирской МТС, «73 трактора выведены из строя» («Правда» от 9-го мая). Политотделы напрягли все силы, чтобы «преодолеть отставание при помощи четкой организации производственных процессов в поле, внедрения железной трудовой дисциплины». Они пытаются сочетать «меры репрессивного характера» с «массово-разъяснительной работой». В бригадах проводятся политдни, читка газет, производственные летучки, укрепляются кадры колхозных ячеек. Увеличивается контингент партийных рабочих и комсомольцев. Так, например, в Татарии, где посевная кампания прошла с исключительным успехом, на производстве в бригадах было занято 60% партийцев и 70% комсомольцев...

Изуродованная насильственной коллективизацией и милитаризацией, русская деревня все более принимает жуткий образ Аракчеевских поселений. В тяжелой грозовой атмосфере борьбы крестьянства с политотделами побледнели и затуманились заманчивые сталинские обещания «зажиточных колхозов»...

Андрей Якутов.

борьба за китай

Вопрос о Манчжурии, в сущности, отошел в небытие. Япония одержала успех непререкаемый и окончательный. Резолюции Лиги Наций, осудившие это завоевание и сильно задевшие чувствительное самолюбие Японии, — это только бумажная формальность, предназначенная спасти моральный авторитет Лиги Наций, но не Манчжурию. Уже после заключительной резолюции Лиги Наций и вопреки ей Япония завладела целой новой провинцией — Джехолом — и все же практически ей ничто не угржает. Даже захват Долонора — на пути от Пекина к Урге, и половины дороги от Шанхай-Уаня до Тянцзина не вызывают никаких шагов ни с чьей стороны, если не считать жалких попыток китайских войск, присутствие которых служит скорее удобным предлогом, чем препятствием, для продвижения к Тянцзину и Пекину.

Внутри самой Манчжурии Япония не только отстроила уже участок железной дороги Гирин-Хойрен (с ответвлениями в Корее на порты Расин и Сейсин), но и заканчивает новую линию Лафачжань (к востоку от Гирина) — Харбин, связывающую пункты значительно севернее Харбина (Харбин-Хайлунскую линию) с Чанчунем, Кореей и Дайреном в обход Кит. Вост. жел. дороги, которая, таким образом, может и совсем перестать функционировать без всякого ущерба для края. Нечего и говорить, что «независимое» манчжурское государство передало Японской Южно-Манчжур. железной дор. в полное управление все остальные жел. дор. линии, за исключением Кит. Вост. ж. д., которая, вероятно, вскоре не мытьем так катаньем будет также включена в систему японского управления. Пока что ее связь с Россией уже прервана.

Как же можно оценить все происшедшее?

1. Японское море во всех отношениях стало внутренним японским водным бассейном. Закрытое с одной стороны Сахалином (не на половину, но на три четверти уже японским) и Цусимой, оно сейчас в центре своем, между Цуругой и Расином (у Посьетского залива, на виду русских владений), служит надежным соединением Японии с средней и северной Манчжурией — по ж. д. линиям вдоль северного берега Кореи к Гирину, Чанчую, Харбину, Хайлуну.

2. Экономическое, военное и политическое значение Владивостока и всех русских владений на западном побережьи Японского моря сведено к нулю. Полная военная гегемония Японии к северу и западу от Манчжурии — до Охотска, Благовещенска и Читы — не оставляет ни малейших сомнений.

3. Печилийский залив, это извечное внутреннее Китайское море, перестало им быть, так как его северная половина ныне омывает японские берега. Пекин обойден через Джехол с северо-запада и сообщение с Рос-

сией через Монголию окончательно отрезано.

Ближайшим последствием этих перемен неизбежно будет распространение влияния Японии на северный Китай. Манчжурию постигла участь Кореи, а Шандунский полуостров, Тянцзин и весь бассейн реки Желтой с Пекином займут в японской экономической и политической системе прежнее место Манчжурии. Мы находимся накануне реализации все той же перспективы, которая была обрисована 21 требованием 1915 года, а затем, 1920-1921 г.г., едва не вовлекла Японию в войну с Соединенными Штатами и заставила Англию осуществить проект сингапурской военно-морской базы. Вашингтонская конференция сначала, а затем временное пробуждение активности русской дипломатии в годы нэпа приостановили экспансию Японии на юг, отодвинув на десяток лет резкое нарушение дальневосточного status quo. Но сейчас экспансия возобновилась и вряд ли может быть остановлена иначе, как силой.

Одной из существенных причин всего происходящего, — и в этом был глубоко прав японский делегат в Женеве, Мацуока, — надо считать тот политический и экономический вакуум, который сопутствует хаотическому государственному устройству Китая. Китай — это такой же «больной человек» Дальнего Востока, каким долго была Турция на Ближнем Востоке. Обманчивые признаки, будто этот больной «берет одр свой в руки свои», давно рассеялись, и как только общая международная обстановка позволила, борьба за китайское наследство возобновляется, естественно, по инициативе Японии, которая издавна видит в овладении Китаем средство к уврачеванию собственных социальных зол.

Однако, этим давним японским стремлениям всегда противостояли:

а) **Россия.** Сейчас ее сопротивление надо считать совершенно устраненным, для судеб Китая оно — quantité négligeable. Скорее всего Япония сначала захватит Кит. Вост. жел. дор. и создаст видимость угрозы русской территории, а, если московское правительство черезчур испугается этой угрозы, то Япония и «округлит» свои приобретения в Китае за счет русских владений и внешней Монголии, но единственно для того, чтобы как можно больше удалить Россию от главного театра войны и интересов.

б) **Англия,** имеющая огромные торговые и отчасти промышленные интересы, преимущественно в долине Ян-Цзы-Цзяна. Не имея надежды увеличить, расширить эти интересы, Англия стремится только сохранить их и для этого давно уже усвоила политику соглашений и компромиссов как с Китаем, так и особенно с Японией. Распространение Японией своего влияния на Тянцзин должно обеспокоить Англию, но все же оно не ударит прямо по ее интересам, пока ограничится бассейном р. Желтой.

в) **Соединенные Штаты,** уже свыше трех десятков лет рассматривающие весь Китай, как потенциальный рынок для их фабрикатов и капиталов. Соединенные Штаты, с их положительно пасторской непрактичностью во внешней политике, возлагают надежды на национальное движение в Китае, не делая, однако, ни малейшего шага, чтобы практически индустриализировать Китай (и особенно снабдить его путями сообщения) и тем дать в руки сочувствующим им социально-политическим группировкам возможность организовать Китай на современный лад. Все ограничивается моральным поощрением гоминдана, несмотря на то, что его престиж в стране основывается единственно на возрождении ксенофобии такого же типа, как существовавшая во времена боксерского движения.

Япония гораздо более активна, чем Соединенные Штаты. Она индустриализирует Китай с севера, от Кореи, стараясь создать из близлежащих его частей естественное продолжение территории, принадлежащей Японии. — Тот самый Мацуока, что так картинно описывал в Женеве китайский хаос и бессилие нанкинского правительства, мог бы многое поведать женевскому ареопагу о тех приемах, при помощи которых он лично, будучи вице-председателем правления Южно-Манчж. жел. дороги, добывал у китайской знати жел. дор. и промышленные концессии в Манчжурии, по большей части

на подставные (китайские) имена. — Но, добившись известной модернизации части китайской территории, Япония коротким ударом завладевает ею и политически, отбирая в то-же время наиболее лакомые куски от китайского чиновничества и буржуазии для своих Мицуи, Митцубиши, Кухара и пр. магнатов. Конечно, этот метод модернизации Китая по частям и последующей его японизации гораздо более эффективен чем благочестивые причитания американских миссионеров и дипломатов. Сейчас Соединенным Штатам, — единственному, в сущности, сопернику Японии в Китае, — не удастся вернуть Японию к исходным позициям иначе, как противопоставив ей серьезную военную силу, для чего нужно было бы предварительно создать мощную противо-японскую коалицию держав...

Трудно, конечно, предсказать с достоверностью, когда и как разыграется на китайской земле новая кровавая трагедия и кто выйдетъ изъ нее победителем. Но несомненно, что борьба за Китай, чем дальше Япония продвигается к югу, вступает во все более решительную фазу. Соединенные Штаты временно бессильны в обстановке экономического кризиса неслыханной остроты. Но с другой стороны и Япония не только не извлекает из своих завоеваний ничего ощутительного для улучшения тяжелого социально-экономического положения внутри страны, но и вынуждена все более напрягать свои слабые экономические ресурсы, чтобы продолжать завоевание и в то-же время готовиться к неизбежной внешней реакции.

Г. Танасов.

Прага, апрель 1933 г.

Проснувшаяся Германия

...«В нашем лагере — Германия будущего. Дайте ей место! Мы сегодня единственные представители идеи германской свободы и социальной справедливости. Мы требуем очищения всей нашей жизни от порчи и разложения...». И еще: «...Перед нами стоит одна лишь задача. Из вороха партий, союзов, конфессий и мировоззрений должен подняться германец одноплеменник, родной нам всем по крови, защитник жизненных прав нашего многомиллионного народа. Если наши знамена окажутся победными только для интересов новых правительств или партий — то разорвите и растопчите их! Мы собираемся восстановить духовные ценности нашего народа. Наша цель — не простое восстание, а революция германской души, завоевание нами человека нашей народности. Сегодня издают законы для охраны республики. Целью **наших** законов явится охрана нации, народа...».

Так заявлял Хитлер во время своей борьбы за власть и не переставал призывать к служению идеалу, связывающему чувство национальной гордости с исканием социальной правды. Рядом с главным врагом — марксизмом — он указывал на зло господства анонимного капитала и на классовую ограниченность, своекорыстие и малодушие националистов-консерваторов. Его официоз пишет в дни канцлерства фон Папена: «Надо крепко связать национал-социализм с порывом к свободе немецких рабочих. Сегодня многие миллионы пробудились к новой жизни и сознанию, что национализм и социализм должны крепко держаться друг друга. Кто их стремится разъединить — идет против своего народа...».

Хитлер шел и вел своих не к захвату власти, а к получению ее законным путем, «в силу народного к нему доверия». Он отказывался от всяких уступок и компромиссов по существу, требуя руководящей роли на верхах государственной власти и полноты ответственности, в соответствии с значением и силой пробужденного и организованного им широкого народного движения. Однако, мы теперь видим, что путь к власти через парламентские двери не обошелся без компромиссов. Хитлер принял власть, но в союзе с националистами-консерваторами, грехи которых перед германским народом он и его друзья так часто выставляли на показ.

Глашатай «будущей Германии народного доверия», «вождь духовной революции», не

решился продолжать выжидательную тактику: народ, утомленный и раздраженный повторными выборами последнего времени, все не дававшими положительного результата, не понял-бы дальнейшего отказа от власти при одновременных обещаниях «социальных и экономических перемен Третьей Империи». Неотложная необходимость наступательной борьбы против усиливающегося коммунизма привела к тактическому союзу Германии завтрашнего дня с партией Хугенберга, националистами старого толка.

Предпринятое, после прихода к власти, лихорадочное овладевание государственным аппаратом национал-социалистами, по завершении своем, откроет карты вождя нового движения. Только тогда можно будет действительно ответственно высказаться по вопросу о том, как нам в конечном счете отнестись к политическому и социальному перeслоению, ныне происходящему на наших глазах.

По каким путям пойдет «проснувшаяся Германия»? Не будем гадать. Посмотрим. Не все-же России быть опытным полем для экспериментов, на котором учится человечество. Теперь очередь за Германией.

К опыту Хитлера мы должны отнестись чрезвычайно внимательно, с самым живым интересом. Сочетание национального начала с социальным радикализмом — формула перестройки, выдвинутая новым сознанием. На удачах и срывах хитлеризма будут учиться и наши пореволюционные течения.

Однако, наблюдая происходящее сейчас в Германии — скажем теперь-же: нельзя вливать вино новое в мехи старые. Всякое дальнейшее сотрудничество с представителями крупного капитала способно только подорвать социальную базу нового движения.

И еще: глубокое, жизненное познание превосходства духа над материей, всегда утверждавшееся вождями хитлеризма, не может быть обосновано на расовом начале. За то мы видим, что в этом начале удобно укладываются и национальные предубеждения, и примитивный шовинизм. А некоторые «символические» жесты (например, массовое сожжение книг) могут навести только на самые печальные размышления..

Наконец, ежели ко всему вышесказанному напомнить, что в хитлеровские установки **органически вкраплено** стремление к «**экспансии на восток**» (пресловутый Drang nach Osten) — то наше сдержанное отношение к «проснувшейся Германии» должно стать понятным каждому пореволюционеру.

Г. Березин.

объединение пореволюционных писателей и поэтов

Инициативная Группа по созданию Объединения Пореволюционных Писателей и Поэтов обращается ко всем собратьям по перу, сочувствующим пореволюционной идеологии, с предложением вступить в переписку для обмена мнениями по вопросу о желательности и своевременности такого объединения. Редакция журнала «Утверждения» предоставляет пореволюционным писателям, поэтам и критикам около пяти листов своего литературного отдела — вполне автономного. Первый сборник Объединения предположен к выходу в сентябре с. г. Матерьял и переписку надлежит направлять на имя Ред. «Утверждений», Ю. А. Ширинского-Шихматова.

Инициативная Группа.

новые течения европейской мысли

Говорят, что люди, всегда живущие в каком нибудь городе, совершенно не знают его достопримечательностей. Не этим ли объясняется, что проживающие во Франции считают ее самой спокойной, консервативной и демократически-мыслящей страной? Ознакомившись ближе с новыми течениями французской мысли, сразу же убеждаешься в поверхностности такого суждения: живая французская мысль несомненно бьет сейчас не там, где ее принято искать: не в буржуазно- радикальной атеистической среде. Да

и вообще много-ли еще осталось вполне «спокойных» стран в мире и так ли уж далек старый капиталистический строй от бесславного конца, как многие склонны это думать?

Новые французские направления, несомненно, не вполне еще охвачены той к жизни обращенной динамикой, которая характеризует собой германские течения. Положение Германии уже настолько стало катастрофическим, что германская молодежь чувствует необходимость немедленных социальных реформ. Франция-же переживает еще ту стадию сравнительного благополучия, когда можно позволить себе роскошь теоретических исканий. Может быть по этой причине и самый характер новых настроений в Германии и во Франции различен: в первой их несет бурный поток пламенного самоутверждающегося национализма; во второй-же преобладают несколько-туманные, интернационально-космополитические тенденции.

Наиболее интересными, действительно новыми французскими течениями, следует признать группы «Plans», «Ordre Nouveau» и «Esprit».

Названа группа «Plans» («Плановость») по имени издававшегося ею в 1931 и 1932 г.г. журнала, редактор коего и лидер группировки, Филипп Ламур, всегда подчеркивал обращенность течения к тому меньшинству, которое «не только поняло неизбежность и необходимость катастрофы, но и задумывается над проблемами будущего строя». С нашей точки зрения то будущее, которое строит (или строило) это направление, вряд ли желательно. С одной стороны, оно приветствует некий безличный коллективизм на марксистский лад, с другой — утверждая «примат духовного начала», склонно и роли личности в истории отводить достаточно почетное место. Но ведь механическое сочетание подобных элементов вряд ли может привести мир к новому порядку; а путей к органическому их слиянию «Плановость» не указывает.

Второе, также новое, течение определяется группой «Ordre Nouveau» («Новый Строй»). Она весьма четко призывает к революціи во имя освобождения личности, однако, утверждение личности видит исключительно в свободном развитии «разума». Свобода эта, по мнению участников группы, уничтожается «неподвижными идеалами, как Бог или синтез, совершенство или революция, христианство или социализм» (см. статью А. Дандье и Шеваллей, помещенную в «Nouvelle Revue Française»). По мнению представителей этого направления только революция в сознаниях, во имя полного утверждения каждой личности, даст возможность произвести нужные изменения в социальном строе. Для этого течения «фашистская мечта о государстве и марксистская мистика массы в равной степени — величайший обман нашего времени».

Последняя из упомянутых групп — объединение, собравшееся вокруг журнала «Esprit» («Духовность»). Это течение несомненно самое значительное из всех французских группировок, как по глубине и важности затрагиваемых тем, так и по серьезности и вдумчивости их разработки. Не говоря уже о том, что оно идеологически чрезвычайно близко русским пореволюционным течениям — и ответственнее многих из них.

Группа «Esprit» строит свое мировоззрение на основах христианства. Одно это уже определяет уровень духовной устремленности ее участников. Настроена она резко антикапиталистически и антикоммунистически. Номер шестой журнала, вышедший 1-го марта, посвящен специально проблеме неминуемого разрыва между последовательными христианами и буржуазным строем. «Мы должны решить», пишет один из редакторов, Мунье, «хотим ли мы погибнуть с тем, что умирает, или взять от уходящего мира вечные ценности в их истоках, чтобы оплодотворить ими мир грядущий» (стр. 874).

Призывая к борьбе с капитализмом, эта группа в вопросах тактики не исключает желательности и вполне конкретной революции. Но исключительно матерьяльная революция ею не приемлется. Вера в вечную силу духовных ценностей отталкивает сторонников этого движения от коммунизма, от его безличного коллективизма. Эта группа, как и некоторые предыдущие, утверждает первенство личности над обществом. Но не во

имя индивидуализма — а на основах христианской любви и жертвоспособности. «Слово **любовь** успокаивает, слово **коллективизм** беспокоит. Как всегда, — ибо не замечаются требования первой и искажаются требования второго» (стр. 39). Отрекаясь от индивидуализма и от безличного коллективизма, «Esprit» предлагает взаимное служение: общества личности и личности обществу.

Для этого личность должна быть прежде всего освобождена от гнета общества, который наличествует и в капитализме и в коммунизме. Освобождение это должно произойти в плане духовном: личность должна быть поставлена в условия, в которых она могла бы свободно проявлять сeбя. Но в этом освобождении необходима известная «плановость». Плановость в развитии и поднятии духовного и культурного уровня каждой отдельной личности. Плановость в экономике, чтобы не произошел вторично захват власти немногими для эксплоатации большинства. Плановость и в радикальном социальном переустройстве.

Таковы главные тезисы «Esprit». Это движение, несомненно — самое смелое и самое глубокое во Франции. В нем чувствуется большая сила и крепкая основа...

Борьба за **личность**, нивелированную буржуазно-атеистическим мировоззрением, поглощаемую механическим марксистским коллективизмом — вот основная нота, звучащая в наиболее значительных из новых французских течений .Недаром почти все они выдвигают формулу: «Révolution personnaliste» — «революция во имя личности». Однако в своих метафизических построениях они при этом может быть все-таки недостаточно ясно отмежевываются от того вполне **конкретного** «индивидуализма», которым был отравлен отрицаемый ими мир буржуазного либерализма.

Во всяком случае, сопоставляя новые искания германской, французской и русской пореволюционной мысли, следует отметить отклонения первых двух: германской — к нео-коллективизму, французской к нео-индивидуализму. И лишь в русской мысли, еще не вполне дораскрытое, но уже осознаваемое понятие «соборности» как будто таит в себе надежду на творческое сопряжение **личного и общего,** общества и человека.

Ирина Ильинская.

Печать о „Завтра“

«Вчера — опыт веков, сегодня — мещанство и материализм, завтра — светлый путь пореволюционной идеологии...

Но кто нам покажет, научит, наставит, вдохновит, укажет пути, объяснит где и как и чем подготовить путь грядущему Завтра?

Где выход?

Группой пореволюционно-мыслящих людей строится мировой союз Правды Христовой и Любви Человеческой. И эта группа выпустила в Париже ежемесячный журнал «Завтра»...

В этом журнале нет сектантства, нет партийности, нет дешевого квасного патриотизма и нет примирения с красными разрушителями — коммунизмом...

Вы ждали слов Правды — она у Вашего порога. Откройте двери!».

Такие сердечные строки находим мы в № 19(39) газеты **«Русское Слово».**

А вот и другое суждение: его высказывает орган «новоподколенцев» — **«За Россию»,** издающийся в Болгарии.

...«Плесень большевицких дней, они ничему не научатся и ничего не дадут»...

Печально, конечно.

«Утвержденческая идеология, сводящаяся прежде всего к действительному и искреннему объединению всех пореволюционных течений за рубежом, имеющему целью осуществление Российской Исторической Идеи в ее многосложном целом — эта самая здоровая и действительная в зарубежной Руси идеология молодых — получает в эмиграции все большее признание» — как-бы отвечает предыдущим **«Русский Голос»** № 6(597).

И продолжает: «...решительность, с которой выступили молодые утвержденцы, ис-

полнена порыва, пытливого взгляда и трезвых, порой неопровержимых переоценок и обоснований. Идеология, на которую взяла курс молодежь из «Завтра» — идеология творчества, мира, любви и созидания».

Корректный и добросовестный критик С. С. Ольденбург посвятил первому номеру «Завтра» и, в частности, статье Л. Б. Савинкова, целый «подвал» в № 2834 газеты **«Возрождение».**

Считая пореволюционную молодежь «одержимою революцией», автор предлагает такую, весьма с нашей точки зрения спорную, формулу: «Революцией следует называть торжество темных сил. Их устранение от власти не следует называть тем-же термином».

Нам кажется, что такая терминология — чрезвычайно субъективна и потому неизбежно приведет не к пояснению, а к затемнению любого построения. Ведь те «силы», что для одних являются «темными» — могут казаться «светлыми» другим — и наоборот. «Хорошие» — это значит «мы». «Плохие» — это значит «они». Не поблагодарит будущий историк за такой своеобразный лексикон!

Проф. И. А. Ильин в № 2853 **«Возрождения»** также почтил нас своим вниманием — уделив большую статью, как всегда блестящую — но тоже как всегда спорную, страстную и... пристрастную.

«...у некоторых из них горит **настоящая любовь к России** (курсив подлинника), вера в нее, тоска по ней... Нет, тут есть огонь чувства; тут есть искренность, смятение, кипение...» пишет он об утвержденческой молодежи; однако, далее обвиняет нас в «советской гордости и националистической мании величия», в смешении «священного и пошлого», причем последнее усматривает... в приятии символики «Двенадцати» Блока, стихотворения «безвкусного и соблазнительного», «в котором каждое слово аффектировано в религиозном и художественном отношении, фальшиво и пошло».

Не думаем, чтобы с такой своеобразной оценкой согласилось много молодых — вне зависимости от того лагеря ,к которому они себя причисляют.

Но «мало любить Россию», говорит затем И. А. Ильин — «эта любовь обязывает. Она обязывает прежде всего и больше всего — беречь чистоту и лепоту ее духа и беречь ее прежде всего в самом себе. Невиданные в мире потоки грязи, пошлости, искушения и позора изливаются на нашу родину, пытаясь разложить или вовсе смыть ее духовную силу, чистоту и самобытность. Время героического сопротивления. Время повышенной ответственности и зоркости. Время обязательного для всех нас трезвения и очищения от пошлости. Время закаления духа для борьбы».

Эти заключительные слова и мысли не только не противоречат — они вполне вмещаются, даже органически присущи утвержденчеству, как мы его понимаем. А, думается, утвержденцам принадлежит все-таки в **первую очередь** право судить о том, что действительно является для них важным, **обязательным и первостепенным.**

Объективно-сочувственную рецензию дает одна из распространеннейших в С. Америке газет — **«Новое Русское Слово»** (№ 7322):

«Журнал «Завтра» отображает настроения, мысли и верования молодежи и с этой стороны, конечно, интересен. Отцы должны знать детей — иначе сговориться невозможно. И хорошо, что молодое поколение организовало свой орган, где может высказываться вполне свободно. Рамки журнала не узки — горизонты широки.

Первая книжка составлена культурно, сдержанно и корректно. И подкупает читателя благодаря полному отсутствию злостных выкриков по адресу старшего поколения».

Две серьезные, внимательные статьи посвятила нашему журналу наиболее полно осведомленная и едва-ли не лучше других ведомая в Шанхае русская газета **«Шанхайская Заря»** (№№ 2244 и 2247) — выпустившая, напр., к Пасхе номер в **58 страниц;** рекорд, не снившийся даже нашим парижским изданиям!

«Небольшая тетрадка в 30 страниц, опрятно изданная и выдержанная содержанием в

очень бодрых и уверенных в себе тонах» — так характеризует автор статей общее впечатление о нашем первом номере — и далее дает подробную и на редкость добросовестную о нем рецензию.

«Движение интересное, во всяком случае оригинальное, на словах более, чем смелое и, пожалуй, прав П. Н. Милюков: в этом движении есть пафос» — так резюмирует свое впечатление о молодом утвержденчестве редактор **«Шанхайской Зари»** Л. В. Арнольдов.

Передовую статью посвящает нашему движению варшавское **«Слово»** (№ 19(126).

«Завтра — орган молодежи, разделяющей идеологию утвержденцев. Но кто-же такие «утвержденцы»?

Утвержденцы — не политическая партия, слепо придерживающаяся буквы своего партийного катехизиса, а политико-идеологическое движение, объединяющее в себе представителей самых различных по-революционных групп, организаций и течений. Утвержденчество зародилось в стремлении части русской эмиграции слить во-едино энергию и волю тех, кто не приемлет ни старых, дореволюционных форм, ни кровавого коммунизма, кто не разделяет взглядов и старых политических партий».

Приведя далее ряд положений из редакционных статей наших журналов, передовик «Слова» продолжает:

«...Как видим, смелости и дерзания много... Но нас в данном случае интересует не само утвержденчество, как идеологическое движение, не его оригинальное миросозерцание. Внимание наше невольно привлекает то внутреннее горение, которым объята утвержденческая молодежь, группирующаяся вокруг «Завтра». Опять таки: революционный пафос, политическую платформу собравшейся вокруг «Завтра» молодежи мы анализировать не станем. Более важна внутренне-духовная, религиозная сторона «кредо» этой молодежи...».

Как всегда ценен и интересен анализ профессора Г. П. Федотова.

«Завтра — юный отпрыск Утверждений — не столько их боевой ежемесячник, сколько орган молодежи из школы Ю. А. Ширинского-Шихматова», читаем мы в № 6 **«Нового Града».** Как орган молодежи «Завтра» подкупает свежестью, чистотой и благородством своего порыва. Трогательно читать христианское кредо Валентина Андреева. Статья Ильинской о новых германских течениях приятно удивляет культурностью. Молодой Савинков пишет ярко и талантливо. Но его статья, как и близкая по теме статья А. Ярмидзе, грешат основным пороком школы: бессознательным гегельянством... Очевидно, юным авторам не приходит в голову, что есть не одна, а две истории, что процесс есть борьба и что в этой борьбе нужно выбрать свой стран. Плыть по тече-
нужно выбрать свой стан. Плыть по течечем от юных и верующих в «жизнь» нельзя и требовать того, чего не хотят видеть многие из годящихся им в отцы».

Хочется напомнить нашему уважаемому оппоненту, что линия наша прочерчена достаточно четко — и наш стан имеет вполне определенные очертания. Что-же касается Истории — то мы просто **отмечаем,** что она нам попутна, что она даже «работает на нас»; это — лишняя «засечка», — придающая, конечно, и бодрости и силы. Как-же в таком случае этой Истории не «помочь»?

Но ежели наши пути и пути истории сегодняшнего дня разойдутся... Ну что-же! Мы пойдем против истории.

прелести капитализма

Так-ли уж отличаются друг от друга обе классические формы воинствующего матерьялизма — капитализм и коммунизм? Невольно задаешь себе этот вопрос, когда вспоминаешь, сколько было пролито чернил по поводу беспризорности в России, как явления, специфически свойственного коммунистическому строю. Но вот в буржуазной печати — германской и американской — замелькало знакомое слово в несколько непривычном, правда, облике: «bezprisorny».

«В Германии и в Америке появились беспризорные», читаем мы в № 4330 «Последних Новостей». Любопытно, что и в Германии, как и в Америке, их называют порусски: «беспризорные».

Все эти молодые люди родились в тяжелые годы войны и выросли не столько в семье, сколько на улице. К 10 годам они уже в совершенстве постигли искусство залезать в чужие карманы, незаметно украсть у лавочника кусок мяса, селедку, яблоко, несколько картофелин. Когда им минуло 14 лет, начался кризис. Эти дети никогда не знали, что значит регулярная работа.

Без хлеба, без денег, без жилища, они **влачат в Берлине ужасное существование.** Ночи напролет блуждают по улицам северной части столицы, роются в грязи и в талом снегу, и находят себе убежище где-нибудь в погребе.

Среди беспризорных распространены «братства крови». **Молодые бродяги объединяются в шайки** по 5-10-20 человек... Атаманом избирается наиболее сильный, наиболее грубый и жестокий из них. Эти шайки стали настоящей угрозой Берлина».

Откуда-же такие полчища безработных, когда урожай на все продукты питания и растительное сырье, пригодное для обработки, повсюду прекрасен?

«Последние Новости» сообщают:

«В Южной Америке скопились миллионы пудов кофе, которое некуда вывезти из-за **таможенной войны.** В Испании гниют миллионы пудов апельсинов. После Франции ввела строгий контингент на иностранные фрукты и Англия.

Апельсины остаются на деревьях и сотни тысяч сезонных рабочих-сборщиков сидят, сложа руки».

За то не сидят сложа руки уважаемые банкиры, проявляющие свою благотворную деятельность под сенью «римско-правовых этических норм». Наводит на размышления сообщение «Последних Новостей» из Вашингтона от 26 мая 1933 года:

«Работы следственной комиссии по делу Моргана — попрежнему в центре внимания американского общественного мнения. Самое интересное, что в действиях Моргана, **если основываться на нынешнем банковском законе, нет никаких элементов преступления.**

Морган и его компаньоны понесли большие потери после краха на Уолл-стрит в 1931 и 1932 г.г., а американский закон разрешает уменьшать показываемый фиску доход на сумму, равную потери части основного капитала. Налог же исчисляется с объявленного дохода. Поэтому формально Морган имел полное право не платить налогов.

Но средний американец, конечно, не может примириться с мыслью, что самый крупный финансист в мире был освобожден от уплаты налогов, в то время, как средние классы населения приносили огромные жертвы в пользу государства.

Банк Моргана размещает на рынке акции и ценные бумаги. Некоторым своим клиентам и друзьям он имеет возможность продавать выпускаемые бумаги ниже биржевого курса. Это — обычная практика всех банков, **не противоречащая ни закону, ни установившимся порядкам.** У каждого банка есть свои «преференциальные» списки.

Но как ни законны с формальной стороны операции банка Моргана, огромное впечатление произвел тот факт, что в списки банка Моргана были включены влиятельнейшие политические деятели и знаменитости страны.

Бывший президент Кулидж, секретарь казначества Вудин, бывший секретарь казначейства Вильям Мак-Аду, генерал Першинг, Оуэн Ионг, Ньютон Паркер, даже Чарльз Линдберг — не первые встречные» — грустно замечает опечаленный корреспондент...

Но собственно чем рискует Морган? Или оправданием, как Устрик — или дружеским фестивалем, под аккомпанемент объединенного хора обокраденных вкладчиков (см. дело Марты Ано). На такие мысли наводит заметка в № 4164 «Последних Новостей» под лирическим заглавием «Триумфальное возвращение из тюрьмы»:

«Приговоренный в прошлом году к 12-месячному тюремному заключению за мошеннические операции лорд Кильсент отбыл срок наказания и выпущен на свободу.

Освобождение его явилось настоящим **событием в светской жизни Лондона** и сопровождалось торжественным приемом-банкетом на роскошной загородной вилле осужденного банкира и председателя двадцати акционерных обществ.

Лорду Кильсенту 69 лет. Перед осуждением за мошеннические операции и ложные балансы в руководившихся им акционерных обществах, знаменитый финансист успел **спасти большую часть своего состояния** и передать управление им жене. Теперь он вновь вступил во владение своим богатством.

Вечером на вилле состоялся парадный прием. Вилла была иллюминована, а над воротами красовалась огромная надпись из электрических фонарей: «Счастливое возвращение домой».

Своеобразна «иерархия ценностей» свойственная подсознанию бурж.-кап. журналистов. Вот что эпически сообщает корреспондент «Шанхайской Зари» (№ 2277):

«Убытки, понесенные администрацией фабрики резиновых изделий «Чен Тай Рабер компани» на Тоншан род 1025, от взрыва, происшедшего в минувший вторник, по приблизительным подсчетам достигают суммы в 75.000 таэлей, а кроме того стоило жизней 81 рабочим фабрики».

Очень назидательно это «а кроме того»...

Но и капиталистическому миру присущи иногда «благородные порывы». В № 3709 «Последних Новостей» находим трогательное сообщение:

«По случаю «Недели **доброты**», в Армии Спасения вчера вечером бесплатно были накормлены 250 парижских бедняков. Меню было парадное: суп Сэн Жермен, рыба под белым соусом, ростбиф, зеленый горошек, сыр, дессерт и кофе.

Обед был изготовлен под личным наблюдением г. Дуэй, главного повара английского короля, недавно вышедшего в отставку, и теперь занимающегося благотворительностью.

Во время обеда играл оркестр и выступали артисты».

Газета забыла упомянуть, что торжество закончилось для его участников возвращением под мосты, где им предстоит в течение 364 дней размышлять о преимуществах супа С. Жермен над случайными меню из мусорных ящиков.

Однако человеколюбие в странах предельного развития капитализма не останавливается на устройстве «Недель доброты».

Любопытное известие находим мы в № 3780 все тех-же «Последних Новостей», которым мы признательны за честную информацию:

«Отчет специальной комиссии, обследовавшей более трех тысяч исправительных заведений в Соединенных Штатах, указывает, что в большинстве тюрем до сих пор применяются **пытки, ничем не уступающие средневековым.** За мелкие даже провинности заключенных сажают в проволочные клетки, в которых человек не может повернуться, поливают в течение нескольких часов холодной водой из брандспойтов, надевают смирительные рубашки или заключают в темные погреба, выдавая в день не более 4 унций хлеба.

Несмотря на это (!!) в большинстве тюрем очень часто возникают бунты, происходят убийства сторожей. Содержание арестантов обходится государству приблизительно в 8.000 франков в год на человека».

Нас могут осудить за то, что в данном обзоре мы ограничились указанием на некоторые «прелести капитализма», не отметив параллельно прелестей другого облика воинствующего матерьялизма: коммунистического строя. Наш журнал распространен главным образом в эмиграции, обслуживаемой почти исключительно буржуазно-капиталистической печатью; благодаря этому, о мерзостях, творимых коммунистами мы все хорошо осведомлены; лишний раз подчеркивать наше революционное отношение к ком-власти нет необходимости. Нашей задачей было призвать задуматься над «прелестями капитализма» тех, кто, исходя из примитивной схемы «коммунизм наш враг, капитализм — враг коммунизма» делают ско-

ростреЛЬНЫЙ вывод: «следовательно, мы с капитализмом союзники».

Мы думаем, что всякий искренний и морально-здоровый человек, а тем более христианин, внимательно ознакомившись с проблемой, не может сознательно выступить в роли защитника Кап-Интерна. Не может он и не бороться против насилий Ком-Интерна — это само собою понятно. Остается только **третий** (но и единственный) путь — путь утвержденчества, искание **нового** уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, построенного на основах христианской правды.

Л. С.

ХРОНИКА

В 20-ых числах июня с. г. в Париже, по инициативе Пореволюционного Клуба, созывается **первое объединительное совещание представителей пореволюционных течений.**

С мест уже начали поступать наказы от тех группировок, которые за дальностью расстояния, недостатком средств или затруднениями в деле получения виз лишены возможности командировать делегата.

Совещание предположено двухдневное. Приезжим представителям обеспечены помещение и стол за время работ съезда, путевые-же издержки покрываются из бюджета организаций, командирующих представителей.

Приглашения рассылаются утвержденцам, национал-максималистам, евразийцам, новоградцам, младороссам, национал-социалистам, единофронтовцам, устряловцам, неодемократам и националистам-христианам.

Нам доставлено 17 отзывом о **первом номере «Завтра».** Приносим искреннюю благодарность Редакциям за любезную присылку рецензий.

Все указания «по сети утвержденцев» ныне рассылаются адресатам непосредственно.

В Марселе основана новая пореволюционная организация, принявшая наименование Российской Национал-Социалистической Рабоче-Крестьянской Группы. Во главе ее стоит **Г. Р. Кроон.** Присланные в Редакцию тезисы указывают на близкую родственность нового течения с Российским Национал-Максимализмом. Сердечно приветствуем нового собрата и желаем ему полного успеха.

В том же Марселе, по инициативе Р. Нац.-Соц. Раб.-Кр. Группы и местного очага Союза Младороссов был открыт **Пореволюционный Клуб,** подобный Парижскому.

Открытие состоялось 14-го февраля. Председательствовал **Г. Р. Кроон.** После вступительного слова младороссии **Крыловой,** отметившей повсеместный крах капитализма и тот факт, что Россия «уже сломала капиталистическую преграду», а русский народ «шагает по реальному пути навстречу светлому будущему» — говорит **«О пореволюционности» Г. Р. Кроон;** он находит, что новые течения по существу «скорее революционны, чем по-революционны»; однако «движению, сконцентрированному вокруг журналов «Утверждения» и «Новый Град» присвоено название пореволюционного. Клуб утвержденцев в Париже — пореволюционный клуб. Не желая дробить движение из за чисто формальных признаков» — марсельские национал-социалисты и младороссы приняли это наименование. Оратор выразил надежду, что «в клубе будут лойяльно сотрудничать представители всех пореволюционных течений, все, ищущие новых путей в революционной борьбе за душу России». Основная задача клуба — создание «идеологии синтеза»: элементами его являются «национальный идеал, социальный радикализм и христианская религиозность». От марсельского очага младороссов затем выступал **А. А. Есаулов,** требовавший «полного и всестороннего предрешенчества». Временный Совет Клуба произведенными выборами включены: от младоросской секции — **А. Есаулов** и **В. Максимов,** от нац.-социалистической — **Г. Кроон** и **Л. Лукьянов.** На Г. Р. Кроона возложено несение обязанностей Генерального Секретаря Клуба.

26-го февраля состоялось второе открытое собрание марсельского Пореволюционного Клуба, на котором **А. А. Есаулов** прочел доклад **«О комсомоле»**. В своем сообщении он доказывал, что «неувязка между теорией и практикой» не позволяет коммунастам действительно использовать для национального строительства несомненный энтузиазм молодежи вообще и комсомольцев в частности.

19-го марта в марсельском клубе имело место выступление **Г. Р. Кроона** на тему о **«Кронштадтском восстании и вытекающей из него идеологии национального социализма»**. Доклад этот настолько интересен, что мы на нем особо остановимся в одном из ближайших закрытых номеров «Завтра», при детальном рассмотрении, в дискуссионном порядке, тезисов и доставленной нам декларации Р. Нац.-Соц. Раб.-Кр. Группы.

Интенсивно работает **парижский Пореволюционный Клуб.** Начинание оказалось, видимо, жизненным и своевременным.

29-го декабря в постоянном помещении Клуба состоялось открытие семинара по русской историософии. После вступительного слова руководителя семинара, **Н. Д. Филиппова,** начал свой цикл из трех докладов, посвященных **«Путям России», И. И. Бунаков,** давший исключительно ценный обзор русской историософской мысли. Докладчик, иллюстрируя свои тезисы обильными цитатами, блестяще доказал, что и т. н. «западники», иногда против своей воли, а часто и вполне сознательно (Герценовское «возвращение на родину») — утверждали, вместе с «славянофилами»: «Россия — страна особенная; у нее свой, особый, путь развития; она скажет миру новое слово». В последовавшем обмене мнениями приняли участие г.г. Дабужин, Закович, Ширинский-Шихматов и Ильинская.

11-го января имело место второе выступление **И. И. Бунакова** в историософском семинаре. Докладчик остановился на истории восточных культур и их влиянии на мировую культуру — в частности, на культуру российскую. Участвовали в последовавших прениях г.г. Оначек, Дабужин, Артемьев, Зубов и Ширинский-Шихматов.

25-го января состоялось третье собеседование историософического семинара. **И. И. Бунаков** на этот раз подробно разобрал отношение славянофилов и народников к проблеме «устроения земли» — в частности остановившись на религиозных, общественных и бытовых основах общинного устройства. В беседе высказались г.г. Оначек, Романов, Зубов, Ильинская, Петерсон, Ярмидзе, Дабужин и Новохатский.

1-го февраля общее собрание членов Клуба и их гостей было посвящено **«самокритике и разбору первого номера журнаал «Завтра».** После вступительного слова **Ю. А. Ширинского-Шихматова,** «о достижениях и прорывах» высказались г.г. Авьерино, Филиппов, Зубов, Ильинская, Савинков, Андреев, Артемьев, Слоним, Романов, Кочетков, Хоппе и Петерсон. Было заслушано много пожеланий, которые Редколлегия решила принять во внимание при выпуске последующих номеров.

15-го февраля состоялось в помещении Клуба собрание **пленума Редакционной Коллегии журнала «Утверждения»,** на котором была произведена «планировка» четвертой книги журнала и распределены темы, а также зачитаны матерьялы, поступившие в портфель. Отмечено расширение состава сотрудников и значительная ценность полученных статей. Приняты существенные решения в связи с учреждением литературного отдела.

22-го февраля имело место **открытие семинара по истории русской мысли.** После вступительного слова руководителя семинара **Ю. А. Ширинского-Шихматова,** докладчица **монахиня Мария** (Е. Ю. Скобцова) сказала очень ценное и интересное слово на тему о **«Русской мессианской идее до славянофилов»,** подробно остановившись на «учительном старце Филофее», Дм. Герасимове, некоторых «во Христе юродивых» и святых; докладчица на большой глубине поставила проблему русского мессианизма, как проблему осуществления Богочеловечества. В беседе участвовали г.г. Пилипенко, Бах, Ильинская, Буданов и Медведев.

1-го марта, на **закрытом собрании,** обсуждались проблемы, поднятые во втором (за-

крытом) номере «Завтра». Высказались В. Л. Андреев, Л. Б. Савинков, И. И. Ильинская, А. И. Ярмидзе, Ю. А. Ширинский-Шихматов, Е. А. Извольская, Г. Г. Бах, К. М. Кочетков, В. Е. Зубов, В. С. Макаров.

8-го марта имело место **открытие семинара по изучению современной России. Ю. А. Ширинский-Шихматов** познакомил присутствовавших утвержденцев с эволюцией советской конституции за последнее десятилетие.

12-го марта помещение Клуба было предоставлено инициативной группе по созданию в Париже **объединения пореволюционных поэтов и писателей.** Обсуждался проэкт декларации.

22-го марта возобновил работу **семинар по русской историософии,** приостановивший было на некоторое время свое собрания из за болезни своего руководителя. **Н. Д. Филиппов** прочел интереснейший доклад на тему **«Происхождение и судьба русского народа»** — начало цикла, посвященного познанию «души России».

29-го марта состоялась беседа на тему **«Об идеократии»;** в обширном вступительном слове **Б. Г. Шварц** строго-логически разобрал проблему «идеи-правительницы», придя к выводу, что таковой может явиться только идея **национальная.** В прениях приняли участие г.г. Былов, Цингер, Филиппов, Зубов, Ильинская, Кочетков и Ширинский-Шихматов.

5-го апреля в семинаре по истории русской мысли был заслушан доклад **И. И. Ильинской «Славянофильство. А. С. Хомяков»,** очень добросовестно разработанный и давший аудитории полное представление как о необходимости изучения «славянофильского» течения для каждого, стремящегося познать душу России — так и об облике «духовного отца» этого движения, его учении и творчестве. Высказались также Ю. А. Ширинский-Шихматов, В. Е. Зубов, А. И. Ярмидзе, А. Д. Холодилов и Н. Н. Былов.

После двухнедельного перерыва (по случаю Страстной Недели и праздника Пасхи) имел место интереснейший обмен мнений **«О российской национально-исторической Идее».** В прекрасно сказанном вступительном слове **А. В. Цингер** дал общую характеристику русской религиозной, философской мысли, — как матерьяла для суждения о росс. национально-исторической миссии, в ее отображении нашими «гениями и провидцами»; он призывал к точным формулировкам, как прямому пути к построению программы реальных действий. По предложению Н. Н. Былова решено было обратиться к виднейшим представителям русской творческой мысли за рубежом, с просьбой кратко высказаться по вопросу о содержании росс. нац.-историч. Идеи. В беседе участвовали также г.г. Шварц, Зубов, Ширинский-Шихматов, Пилипенко, Шклявер, Павлов и Кузьмина-Караваева.

Идея **«пакта» для охраны памятников старины и искусства** на случай военных действий, выдвинутая **акад. Н. К. Рерихом,** вызвала, как известно, живейшее сочувствие во всех странах. Образовалось целое движение, имеющее целью спасение Культуры вообще — не только от физического разрушения ее памятников, но и от затопления ее волнами грубого матерьялизма. Общественное мнение повсеместно достаточно определенно высказывается в пользу **«Рериховского Пакта»;** ожидается в ближайшем будущем и выступление нескольких правительств в пользу его ратификации. В январе с. г. Нобелевский Комитет зарегистрировал кандидатуру Н. К. Рериха на премию мира.

4-го апреля, по приглашению русской колонии в **Клиши, Ю. А. Ширинским-Шихматовым** был прочитан доклад **«Русское мессианство».**

Идея создания сети **Пореволюционных Клубов,** связанных между собою общностью устава, задач и методов работы завоевывает все более и более широкие круги пореволюционной эмиграции.

В большом числе, из разных стран, поступают через редакцию «Завтра» просьбы о присылке программ семинаров, уставов и полных комплектов журнала «Утверждения»

Свободная атмосфера клубов оказалась, повидимому, наиболее благоприятной для соработы представителей различных пореволюционных течений.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

«Завтра» № 1. Содержание: От Редакции. **В. Л. Андреев** — Наш путь. **Редколлегия** — В порядке обсуждения. **Л. Б. Савинков** — О. Революции. **М. М. Артемьев** — Пятилетка. **Е. А. Донской** — России нужна передышка! **А. И. Ярмидзе** — От слов к делу. **С. В. Дмитриевский** — Воскрешение Троцкого. **Г. Н. Танасов** — «Независимая» Манчжурия. **В. Е. Зубов** — Махатма Ганди. **И. И. Ильинская** — Новые течения европейской мысли. **В. Л. Балканцев** — Соль земли. **Хроника.** Открытие Пореволюционного Клуба. **По сети утвержденцев.**

Обложка худ. Вал. Андреева.

Стр. 32. Цена 3 франка.

«Завтра» № 2 (дискуссионный). Содержание: От Редакции. **Л. Б. Савинков** — Генеральная линия. **Е. В. Белоруссов** — О многосторонности христианства. **Н. Н. Былов** — Угроза нечаевщины. **И. И. Ильинская** — Возможно-ли объединение пореволюционных течений? **Л. Б. Савинков** — Объединение. **А. И. Ярмидзе** — Снова: от слов к делу. **Д. В. Турбин** — О правом уклоне ВКП(б). **Ю. А. Ширинский-Шихматов** — На кого «ставить»? **К. М. Кочетков** — Слово и дело. **В. Д. Иванов** — Заметки о политике. **И. В. Сабатаев** — Эмблема. **С. П. Иговский** — О важном. **В. О. Жгун** — О «перегибах». **И. И. Ильинская** — Национальный вопрос.

Стр. 36. Цена 5 фр.

НОВЫЕ КНИГИ

Н. Былов. Волчья тропа.

В. Гущик. Христовы язычники.

В. Гущик. На краю.

Б. Поплавский. Флаги. Стихи.

В. Яновский. Мир.

В. Яновский. Колесо.

Justification de tirage :
2.500 exemplaires.

Le Gérant : R. Goux.

Société Nouvelle d'Imprimerie et d'Edition
32, Rue de Ménilmontant, Paris (20e)

От редакционной коллегии „ЗАВТРА“

Журнал выпускает поочередно «открытые» и «закрытые» номера. Все нечетные номера (1, 3, 5 и т. д.) являются «открытыми», т.-е. поступают в общую продажу; номера четные (2, 4, 6 и т. д.) — «закрытыми». Эти последние в общую продажу не поступают и выписываться могут лишь лицами или уже включенными в утвержденческую сеть, или примыкающими к одной из пореволюционных группировок (через ихъ посредство) — или-же, наконец, могущими сослаться на серьезную рекомендацию в пореволюционном лагере. «Закрытые» номера издаются на правах рукописи (не для печати), в дискуссионном порядке и посвящены как заостренной постановке проблемы пореволюционности — так и широкой самокритике. Редколлегия журнала считает пореволюционерами утвержденцев, национал-максималистов, евразийцев, русских национал-социалистов, устряловцев, младороссов, новоградцев и неодемократов. Настоящий перечень м. б. пополнен по мере возникновения новых группировок, по получении данных о их программно-идеологических установках.

Подписная цена на «Завтра»: три нечетных №№ — 6 франков; шесть нечетных — 12 франков; шесть четных и нечетных — 20 франков; двенадцать четных и нечетных — 40 франков.

Подписка принимается в редакции журнала — *Mr. G. Schirinsky-Schikhmatoff*, 29, Rue Barbès, Issy-les-Moulineaux (S.). France.

Выписывать можно также от представителей: в Польше — W. P. *Zofia Bochan-Sawinkowa*, Targowa 21, Wilno; **в Прибалтике** — *V. E. Gušťšik*, Koidu 16, Tallinn (Esthonie); **в Югославии и Болгарии — г. К. В. Белозеров,** Западни Виноград 157, Суботица, Yougoslavia; **в Румынии — кн. маг. Мильштейна** — 47 str. Kousa-Wada, Chisinau, Bessarabia; **в С. Америке** — *G. Bratov*, 2902 Bush str., San-Francisco, California, USA; **в Ю. Америке** — *D. Babenco*, calle Serrano 975. Buenos-Ayres. Argentine; **в Греции** — *W. W. Deitrich*. villa Kelaides, Brd. Penteli. Halandra près Athènes.

«Утверждения» и «Завтра продаются во всех крупных книжных магазинах.

ЧИТАТЕЛЕЙ просим писать нам возможно чаще и подробнее. Наша главная задача — развивать свою сеть «переписок», создавать прочные **личные** связи руководящих утвержденцев с их читательской общиной. Ждем также статьи, корреспонденции с мест, отчеты о собраниях, матерьял для хроники, вырезки из газет (о наших журналах, нашем движении, отдельных пореволюционных течениях и т. д.).

Просим по возможности выписывать журналы от нас **непосредственно**, чтобы вся их стоимость целиком шла на нужды движения.

ВСЕМ, СОЧУВСТВУЮЩИМ нашему начинанию — предлагаем принять участие в самообложении на покрытие расходов по издательской деятельности объединительного пореволюционного движения.

Взносы могут быть минимальны и высылаться даже марками (из за границы — интернациональными), — но должны поступать **регулярно**. Бесперебойный выход «Завтра» и «Утверждений» зависит исключительно от самих пореволюционеров

БЕСПЛАТНАЯ РАССЫЛКА, начиная с третьего номера, **прекращена.** Наша молодежь, часто безработная, лишает себя всего самого необходимого, чтобы продолжать издательство. **Читатели должны нам помочь.** Впредь журнал будет высылаться только тем из получивших № 1, кто прислал за него в Редакцию его стоимость; четные №№ будут высылаться только тем, кто прислал деньги за № 2-ой. Мы предпочитаем иметь — пусть малый, но за то тесно-сплоченный и **не только на словах** общему делу сочувствующий круг постоянных читателей.

В случае помещения отзыва о **«ЗАВТРА»** — просьба высылать 2 экземпляра в Редакцию.

Редколлегия сохраняет за собою право сокращений и исправлений текста. Рукописи не возвращаются

Предлагается всем органам печати

ОБМЕН ИЗДАНИЯМИ

Цена номеров „ЗАВТРА“: четных — 5 фр., нечетных — 2 фр.